

РОССИЙСКИЙ СУДЬЯ

№ 7

июль 2021



«Для рассмотрения культурных тенденций, повлиявших на становление права на территории Крыма, необходимо обратиться к истории полуострова»

Коваль В.Н. «Развитие системы судопроизводства на территории Херсонеса Таврического. Античный период»

Стр. 41

- Регрессная ответственность должностных лиц при реабилитации невиновного
- Сходства и различия подходов к конструкции юридического лица в публичном и частном праве
- Досудебное соглашение о сотрудничестве. Остались ли вопросы?
- Меры судостроительного характера как один из способов преодоления длительного судопроизводства
- Становление международного права через развитие международных судов
- Право судей на обжалование решений и действий конференции судей субъекта Российской Федерации как органа судейского сообщества

ISSN 1812-3791



9 771812 379776 >

РОССИЙСКИЙ СУДЬЯ

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЕ И ИНФОРМАЦИОННОЕ ИЗДАНИЕ.

Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.

ПИ № ФС77-57988 от 28 апреля 2014 г. Журнал выходит с 1998 г. Издается ежемесячно.

№ 7/2021

Учредители: ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА «ЮРИСТ», СУДЕБНЫЙ ДЕПАРТАМЕНТ ПРИ ВЕРХОВНОМ СУДЕ РФ

СОДЕРЖАНИЕ

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

3 Кузнецова А.Д. Регрессная ответственность

должностных лиц при реабилитации невиновного

7 Филимонова А.И., Кулакова О.С. Кто есть суд: правоинтерпретатор или правотворец?

13 Пархоменко А.Д. Сходства и различия подходов к конструкции юридического лица в публичном и частном праве

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

18 Мельников В.Ю. Досудебное соглашение о сотрудничестве. Остались ли вопросы?

23 Клоков С.Н., Ягунова Е.Е. Проблемные вопросы участия потерпевшего юридического лица и его представителя в отечественном уголовном судопроизводстве

ИЗ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА

РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

28 Филимонова М.В. Обратная сила актов конституционного контроля (на примере пересмотра судебных постановлений по новым обстоятельствам)

СУДОПРОИЗВОДСТВО

33 Белякова А.В. Меры судостроительного характера как один из способов преодоления длительного судопроизводства

ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ

41 Коваль В.Н. Развитие системы судопроизводства на территории Херсонеса Таврического. Античный период

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СУДЫ

46 Ключников А.Ю. Становление международного права через развитие международных судов

ДИСКУССИЯ

50 Курманов Э.Р. Право судей на обжалование решений и действий конференции судей субъекта Российской Федерации как органа судейского сообщества

55 Мишин В.В. Дискуссионные вопросы применения судебного штрафа

ТРИБУНА ПОМОЩНИКА СУДЬИ

60 Воложбенская Д.И. Дело Prest v Petrodel и концептуализация доктрины прокалывания корпоративной вуали в Великобритании

Подписка по России:

«Объединенный каталог. Пресса России» — инд. 85499,

«Почта России». Электронный каталог — П1774,

а также через www.lawinfo.ru

Формат 60 x 90/8. Печать офсетная.

Бумага офсетная № 1.

Физ. печ. л. 6,0. Усл. печ. л. 6,0.

Тираж 4000 экз. Цена свободная.

Подписано в печать: 02.06.2021.

Дата выхода в свет: 01.07.2021.

Отпечатано в ООО «Национальная полиграфическая группа».

248031, г. Калуга, ул. Светлая, д. 2.

ISSN 1812-3791

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР ЖУРНАЛА:

Бабкин А.И.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Алауханов Е.О., д.ю.н., профессор, заслуженный деятель Республики Казахстан;

Андреева Т.К., к.ю.н., профессор, заслуженный юрист РФ;

Гусев А.В., д.э.н., профессор;

Добрынин К.Э., статс-секретарь Федеральной палаты адвокатов РФ;

Еришов В.В., д.ю.н., профессор;

Запольский С.В., д.ю.н., профессор, заслуженный юрист РФ;

Зорькин В.Д., Председатель Конституционного Суда РФ, д.ю.н., профессор;

Лебедев В.М., Председатель Верховного Суда РФ, д.ю.н., профессор, заслуженный юрист РФ;

Сидоренко Ю.И., судья Верховного Суда РФ в отставке

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Дедов Д.И., судья Европейского Суда по правам человека от РФ, д.ю.н., доцент;

Жилин Г.А., судья Конституционного Суда РФ в отставке, д.ю.н., профессор, заслуженный юрист РФ;

Нешатаева Т.Н., судья Суда

Евразийского экономического союза, д.ю.н., профессор;

Орлов А.В., председатель Арбитражного суда

Центрального округа, к.ю.н.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ИЗДАТЕЛЬСКОЙ ГРУППЫ «ЮРИСТ»:

Гриб В.В., д.ю.н., профессор, член-корреспондент РАО, заслуженный юрист РФ

ЗАМЕСТИТЕЛИ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

ИЗДАТЕЛЬСКОЙ ГРУППЫ «ЮРИСТ»:

Бабкин А.И., Бельх В.С., Ренов Э.Н.,

Платонова О.Ф., Трунцевский Ю.В.

ЦЕНТР РЕДАКЦИОННОЙ ПОДПИСКИ:

Тел.: (495) 617-18-88 (многоканальный)

Фото на обложке: фотобанк Лори

РЕДАКЦИЯ: Лаптева Е.А., Соловьева Д.В.

ВЕРСТКА: Курукина Е.И.

НАУЧНОЕ РЕДАКТИРОВАНИЕ И КОРРЕКТУРА:

Швечкова О.А., к.ю.н.

Телефон редакции: (495) 953-91-08.

Адрес редакции / издателя:

115035, г. Москва, Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7.

E-mail: avtor@lawinfo.ru

Журнал включен в базу данных

Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации для публикаций основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук (12.00.02; 12.00.03; 12.00.10; 12.00.11; 12.00.15 — юридические науки).

Полная или частичная перепечатка материалов без письменного разрешения авторов статей или редакции преследуется по закону.

RUSSIAN JUDGE

SCIENCE-PRACTICE AND INFORMATIONAL EDITION.
REGISTERED AT THE FEDERAL SERVICE FOR THE MONITORING IN THE SPHERE
OF MASS COMMUNICATIONS, COMMUNICATION AND PROTECTION OF CULTURAL HERITAGE.
PI No. FC77-57988. APRIL 28, 2014. PUBLISHED SINCE 1998. PUBLISHED MONTHLY.

No. 7/2021

Founders: JURIST PUBLISHING GROUP, JUDICIAL DEPARTMENT AT THE SUPREME COURT OF THE RF

CONTENTS

CIVIL LAW AND PROCEDURE

- 3 Kuznetsova A.D.** Recourse Liability of Officials in Rehabilitation of a Not Guilty Person
7 Filimonova A.I., Kulakova O.S. Who Is the Court: The Law Interpreter or the Legislator?
13 Parkhomenko A.D. Similarities and Differences of Approaches to the Structure of a Legal Entity in Public and Private Law

CRIMINAL LAW AND PROCEDURE

- 18 Melnikov V.Yu.** Pre-Trial Cooperation Agreement. Are There Any Questions Left?
23 Klokov S.N., Yagunova E.E. Problematic Issues of Participation of an Aggrieved Legal Entity and Its Representative in the Russian Criminal Court Procedure

FROM THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION

- 28 Filimonova M.V.** Retroaction of the Constitutional Control Deeds (on the Example of Revision of Court Rulings Due to New Circumstances)

JUDICIAL PROCEEDINGS

- 33 Belyakova A.V.** Measures of Court Arrangement Nature as One of the Ways to Overcome Long Court Proceedings

HISTORICAL ROOTS

- 41 Koval V.N.** The Development of the System of Court Procedure in the Territory of Tauric Chersonese. The Antic Period

INTERNATIONAL COURTS

- 46 Klyuchnikov A.Yu.** The Establishment of the International Law through the Development of International Courts

DISCUSSION

- 50 Kurmanov E.R.** The Right of Judges to Appeal against the Decisions and Actions of the Judicial Conference of a Constituent Entity of the Russian Federation as a Body of the Judicial Community
55 Mishin V.V. Discussion Issues of the Court Penalty Use

ASSISTANT JUDGE TRIBUNE

- 60 Volozhenskaya D.I.** The Prest v Petrodel Case and Conceptualization of the Doctrine of Veil Piercing in the United Kingdom

Subscription in Russia:

Unified Catalogue. Russian Press – index 85499,
Russian Post. Digital Catalogue – П1774
and also through www.lawinfo.ru

Size 60 x 90/8.

Offset printing. Offset paper № 1. Printer's sheet 6,0.

Conventional printed sheet 6,0.

Circulation 4000 copies. Free market price.

Passed for printing: 02.06.2021.

Edition was published: 01.07.2021.

Printed by National Polygraphic Group Ltd.

2, Svetlaya st., Kaluga, 248031.

ISSN 1812-3791

EDITOR IN CHIEF OF JOURNAL:

Babkin A.I.

EDITORIAL BOARD:

Alaukhanov E.O., LL.D., Professor,
Honored worker of the Republic of Kazakhstan;
Andreeva T.K., PhD (Law), Professor,
Honored Lawyer of the RF;
Gusev A.V., Doctor of Economics, Professor;
Dobrynin K.E., the State Secretary
of the Federal Chamber of Lawyers of the RF;
Ershov V.V., LL.D., Professor;
Zapolskij S.V., LL.D., Professor,
Honored Lawyer of the Russian Federation;
Zorkin V.D., Chairman, the Constitutional Court of the RF,
LL.D., Professor;
Lebedev V.M., Chairman, the Supreme Court
of the RF, LL.D., Professor,
Honored Lawyer of the Russian Federation;
Sidorenko Yu.I., Judge of the Supreme Court (retired)

EDITORIAL STAFF:

Dedov D.I., Judge of the European Court of Human Rights
from the RF, LL.D., Associate Professor;
Zhilin G.A., Judge of the Constitutional Court of the RF
in resignation, LL.D., Professor, Honored Lawyer of the RF;
Neshataeva T.N., Judge of the Court of the Eurasian Economic
Union, LL.D., Professor;
Orlov A.V., the Chairman of the Arbitration court
of the Central district, PhD (Law)

EDITOR IN CHIEF OF JURIST PUBLISHING GROUP:

Grib V.V., LL.D., Professor, Corresponding Member of the RAE,
Honored Lawyer of the RF

DEPUTY EDITORS IN CHIEF OF JURIST PUBLISHING GROUP:

Babkin A.I., Belykh V.S., Renov E.N., Platonova O.F., Trunchevskij Yu.V.

CENTRE FOR EDITORIAL SUBSCRIPTION:

Tel.: (495) 617-18-88 (multichannel)

Photo of the cover: Lori Photobank

EDITORIAL OFFICE: Laptewa E.A., Solovyova D.V.

LAYOUT: Kurukina E.I.

SCIENTIFIC EDITING AND PROOFREADING:

Shvechkova O.A., PhD (Law)

Telephone of the Editorial Staff: (495) 953-91-08.

Address of Editorial office / Publisher:

Bldg. 7, 26/55, Kosmodamianskaya Emb, Moscow, 115035.

E-mail: avtor@lawinfo.ru

The journal is included in the database Russian science citation index.

Recommended by the Supreme Attestation Commission under the
Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation
for publications of results of PhD and doctoral theses (12.00.02;
12.00.03; 12.00.10; 12.00.11; 12.00.15 – law science).
Copyright reserved. Complete or partial reproduction of authors'
materials without prior written permission of the authors or the Editor-
ial Staff shall be subject to legal prosecution.

DOI: 10.18572/1812-3791-2021-7-3-6

Регрессная ответственность должностных лиц при реабилитации невиновного

Кузнецова Анастасия Дмитриевна,
судья Тагилстроевского районного суда
города Нижний Тагил Свердловской области
kad_2020@list.ru

В статье рассматриваются проблемные вопросы, связанные с регрессной ответственностью должностных лиц, в результате незаконных действий которых произведено возмещение вреда в порядке реабилитации. Обосновывается необходимость взыскания в регрессном порядке выплаченных сумм с непосредственного причинителя вреда.

Ключевые слова: реабилитация, возмещение вреда, регрессная ответственность.

Recourse Liability of Officials in Rehabilitation of a Not Guilty Person

Kuznetsova Anastasia D.

Judge of the Tagilstroy District Court of Nizhni Tagil of the Sverdlovsk Region

The article deals with problematic issues related to the recourse liability of officials, as a result of illegal actions of which compensation for harm was made in the order of rehabilitation. The necessity of recovering the sums paid from the direct causer of the damage in a recourse procedure.

Keywords: rehabilitation, reimbursement of damage, recourse liability.

Особенностью института реабилитации является субъектный состав данных правоотношений. Вред, причиненный гражданину в ходе незаконной или необоснованной деятельности правоохранительных органов, подлежит возмещению не за счет средств должностного лица, в результате действий которого он был причинен, а за счет средств самого государства.

Такая ситуация обусловлена, прежде всего, тем, что сотрудники этих органов участвуют в правоотношениях по привлечению лица к уголовной ответственности от имени государства, только государством представлены им соответствующие полномочия¹.

Вместе с тем государство, принимая на себя обязательства по возмещению вреда, причиненного в результате незаконного или необоснованного уголовного преследования и (или) осуждения, обладает правовыми средствами воздействия на должностных лиц, непосредственно виновных в совершении неправомерных действий. Одним из таких инструментов служит регрессный иск.

Вопросы возмещения вреда в порядке обратного требования находятся в сфере гражданско-правового регулирования.

Пункт 3.1 ст. 1081 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) предусматривает, что Российская Федерация, субъект Российской Федерации (далее — субъект РФ) или муниципальное образование в случае возмещения ими вреда по основаниям, предусмотренным ст. 1069 и 1070 ГК РФ, а также по решениям Европейского суда по правам человека имеют право регресса к лицу, в связи с незаконными действиями (бездействием) которого произведено указанное возмещение.

Современная судебная практика свидетельствует о том, что данная норма носит в большей мере декларативный характер, поскольку процент рассмотрения подобных требований не велик.

Такое положение дел обусловлено недостаточной законодательной регламентацией механизма предъявления регрессных исков, что, в свою очередь, затрудняет реализацию права обратного требования к виновным лицам.

Нормативное закрепление права регресса не является достаточной гарантией того, что сотрудники правоохранительных органов обязательно понесут материаль-

¹ Толстой А.В. Участники правоотношений по реабилитации на досудебных стадиях уголовного судопроизводства // Российский судья. 2007. № 3. С. 40–42.

ную ответственность в случае причинения ими вреда.

Сам по себе факт возмещения государством ущерба, причиненного гражданину в ходе незаконного уголовного преследования и (или) осуждения, не является безусловным основанием для возложения обязанности по выплате денежных сумм в порядке регресса на должностное лицо.

Убытки, понесенные Российской Федерацией, подлежат возмещению государству из личных средств сотрудников правоохранительных органов только в результате совершения ими при производстве по уголовному делу незаконных действий, находящихся в прямой причинно-следственной связи с причиненным вредом, которые должны быть подтверждены в установленном законом порядке.

В силу п. 3 ст. 1081 ГК РФ регрессная ответственность судьи может наступить лишь при условии, что его вина подтверждена вступившим в законную силу приговором суда, который и послужит преюдициальным актом, резюмирующим его противоправные действия при рассмотрении искового заявления о взыскании денежных сумм в порядке регресса.

Применительно к сотрудникам органов дознания, предварительного следствия и прокуратуры законодатель такого требования не установил.

С этого момента и начинаются трудности, обусловленные необходимостью выявления виновных должностных лиц, в результате неправомерных действий (бездействия) которых был причинен вред.

Сложность состоит в отсутствии какой-либо процедуры по установлению незаконности действий сотрудников правоохранительных органов.

Приказом Генеральной прокуратуры Российской Федерации (далее — Генпрокуратура РФ) № 12, Министерства финансов Российской Федерации (далее — Минфин России) № 3н от 20 января 2009 г. «О взаимодействии органов прокуратуры и Министерства финансов РФ при поступлении сведений об обращении в суд гражданина с иском (заявлением) о возмещении вреда, причиненного в результате незаконного уголовного преследования» на начальников главных управлений и управлений Генпрокуратуры РФ, прокуроров субъектов РФ, приравненных к ним военных прокуроров и прокуроров иных специализированных прокуратур в соот-

ветствии с установленной компетенцией возложена обязанность в каждом случае вынесения судами или органами предварительного следствия и дознания процессуального решения, влекущего признание права на реабилитацию, проводить соответствующую проверку (служебное расследование), по результатам которой ставить вопрос о привлечении виновных должностных лиц к предусмотренной законом ответственности².

Вместе с тем, как показывает анализ практических данных, материалы служебной проверки не всегда признаются судом надлежащим доказательством, подтверждающим совершение ответчиком виновных действий, вследствие которых была произведена за счет средств казны Российской Федерации выплата компенсации незаконно уголовно преследуемому лицу.

Исследование эмпирической базы позволяет заключить, что положения, регламентирующие регрессную ответственность должностных лиц органов публичной власти, в недостаточной степени эффективны и нуждаются в дальнейшей доработке.

В настоящее время бесспорным основанием для удовлетворения регрессного иска к должностному лицу, по вине которого произведено возмещение государством вреда, служит вступивший в законную силу обвинительный приговор или иное решение суда, содержащее исчерпывающий вывод о незаконности его действий.

Представляется, что в целях предъявления обоснованных регрессных требований органам исполнительной власти следует дать разъяснения относительно порядка проведения служебного расследования, в ходе которого подлежат установлению: факт совершения гражданским служащим незаконных действий, его вина, наличие причинно-следственной связи между незаконными действиями (бездействием) и причинением ущерба третьим лицам.

² Приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации № 12, Министерства финансов Российской Федерации № 3н от 20 января 2009 г. «О взаимодействии органов прокуратуры и Министерства финансов Российской Федерации при поступлении сведений об обращении в суд гражданина с иском (заявлением) о возмещении вреда, причиненного в результате незаконного уголовного преследования» // СПС «КонсультантПлюс».

Правом на предъявление регрессных исков в интересах Российской Федерации наделен обширный круг субъектов. К ним, в частности, относятся: прокурор, Минфин России, Управления Федерального казначейства по субъектам РФ, федеральный орган исполнительной власти в сфере внутренних дел.

Реализация государством права регрессного требования к лицу, непосредственно виновному в совершении неправомерных действий, влечет для последнего неблагоприятные последствия имущественного характера.

Вместе с тем вопрос о пределах материальной ответственности такого должностного лица государственного органа в ч. 3 ст. 1081 ГК РФ не регламентирован.

Думается, что размер выплат, подлежащих взысканию с непосредственного причинителя вреда в пользу казны Российской Федерации в порядке регресса, должен определяться с учетом требований трудового законодательства.

Нормами Федеральных законов от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации», от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации», от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации», от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», Закона от 26 июля 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» не предусмотрен порядок возмещения ущерба, причиненного государственным служащими при исполнении ими своих должностных обязанностей.

Согласно перечисленным нормативно-правовым актам правоотношения сторон в части, касающейся материальной ответственности, регулируются законодательством Российской Федерации о труде.

В соответствии со ст. 241 Трудового кодекса Российской Федерации работник несет материальную ответственность за причиненный им ущерб в пределах своего среднего месячного заработка, если иное не предусмотрено настоящим Кодексом или иными федеральными законами.

Действующее законодательство не устанавливает обязанность дознавателей, следователей, прокуроров и судей

возмещать причиненный работодателю прямой действительный ущерб в полном размере.

Таким образом, должностные лица правоохранительных органов несут материальную ответственность в пределах своего среднего месячного заработка, подтвержденного справками о доходах физического лица.

Вместе с тем полагаем, что в тех случаях, когда вина представителя власти установлена приговором суда, размер регрессного требования должен устанавливаться в объеме выплаченного возмещения.

Учитывая возможность предъявления к должностным лицам, производившим уголовное преследование, регрессного иска, возникает вопрос о возможности допуска представителей правоохранительных органов к участию в делах о реабилитации.

Представляется, что поскольку постановление о производстве выплат реабилитированному лицу будет иметь преюдициальное значение при рассмотрении требований о возмещении вреда в порядке регресса, то сотрудники соответствующих подразделений подлежат привлечению к участию в деле в качестве заинтересованных лиц. По такому пути идет и судебная практика. Так, например, при рассмотрении заявления С. о возмещении имущественного вреда в порядке главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в судебных заседаниях также принимал участие представитель Следственного комитета. Впоследствии он подал апелляционную жалобу (подписанную руководителем Следственного управления Следственного комитета по Свердловской области Задориным В.Ю.), представлял возражения на апелляционные жалобы иных участников, участвовал в судебном заседании суда апелляционной инстанции³.

Следует отметить, что п. 3.1 ст. 1081 ГК РФ введен в действие Федеральным законом от 21 ноября 2011 г. № 329-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области

³ Обобщение практики применения судами норм Главы 18 УПК РФ, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве. 2014 // Архив Свердловского областного суда.

противодействия коррупции» (далее — Закон № 329-ФЗ). До 6 декабря 2011 г. право регресса в случае возмещения вреда, причиненного незаконным осуждением, незаконным привлечением к уголовной ответственности и т.п., было ограничено необходимостью вынесения приговора, устанавливающего вину должностного лица органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры или суда. В настоящее время такое условие распространяется лишь на судей, в случае причинения ими вреда при осуществлении правосудия (п. 3 ст. 1081 ГК РФ).

В связи с этим важное значение имеет определение момента возникновения права регрессного требования к непосредственному нарушителю.

Проведенный в ходе настоящего исследования анализ опубликованных судебных решений показал, что в правоприменительной практике не существует единого подхода к решению данного вопроса.

В ряде случаев суды определяют момент возникновения спорных правоотношений исходя из даты исполнения обязательства Минфином России. Так, мировой судья судебного участка № 2 Саровского судебного Нижегородской области в Определении от 28 октября 2015 г., отказывая в удовлетворении исковых требований о взыскании с М. в пользу Минфина России 26 883,18 руб. в счет причиненного ущерба, пришел к выводу, что вина ответчика не была установлена вступившим в силу приговором, а потому не имеется оснований для применения положений п. 3.1 ст. 1081 ГК РФ. Саровский городской суд Нижегородской области, отменяя решение суда первой инстанции, указал, что обязательственные правоотношения обусловлены возникновением субъективного права регрессного требования, определяемого моментом выплаты. В данном случае право требования у Минфина России не могло возникнуть ранее момента выплаты — 24 декабря 2013 г.⁴

Однако такой подход представляется ошибочным.

⁴ Апелляционное определение Саровского городского суда Нижегородской области от 25 февраля 2016 г. по делу № 11-12/2016 // СПС «Гарант».

Литература

1. Толстой А.В. Участники правоотношений по реабилитации на досудебных стадиях уголовного судопроизводства / А.В. Толстой // Российский судья. 2007. № 3. С. 40—43.

По общему правилу, установленному ст. 4 ГК РФ, акты гражданского законодательства не имеют обратной силы и применяются к отношениям, возникшим после введения их в действие. Действие закона распространяется на отношения, возникшие до введения его в действие, только в случаях, когда это прямо предусмотрено законом.

Поскольку п. 3.1 ст. 1081 ГК РФ введен в действие Законом № 329-ФЗ, который специально не предусматривает его обратную силу, следовательно, он не распространяется на отношения, возникшие до введения его в действие.

Кроме того, в письме Минфина России от 3 октября 2014 г. № 08-04-06/3395 даны разъяснения по вопросу организации работы по предъявлению регрессных требований именно на основании п. 3.1 ГК РФ, согласно которым Управлениям рекомендовано обращаться в суды с регрессными требованиями к должностным лицам, чьи действия (бездействия) были признаны судами, арбитражными судами незаконными после даты вступления в силу изменений, внесенных Законом № 329-ФЗ.

Таким образом, момент возникновения обязательственных правоотношений, связанных с реализацией субъективного права регрессного требования, должен определяться моментом совершения должностным лицом незаконных действий, повлекших в последующем возмещение вреда Российской Федерацией.

Подводя итог, следует сказать, что закрепление законодателем положений о регрессной ответственности должностных лиц, в результате действий которых было произведено возмещение вреда, имеет важное значение, поскольку позволяет частично компенсировать произведенные Российской Федерацией реабилитированным затраты. Представляется, что формирование практики по взысканию в регрессном порядке выплаченных сумм с непосредственного причинителя вреда повысит чувство ответственности за надлежащее выполнение должностными лицами возложенных на них обязанностей, послужит сдерживающим элементом по недопущению злоупотреблений при производстве по уголовному делу.

Кто есть суд: правоинтерпретатор или правотворец?

Филимонова Анастасия Игоревна,

доцент кафедры «Теория и история государства и права»
Юридического института Владимирского государственного университета
имени А.Г. и Н.Г. Столетовых (ВлГУ),
кандидат юридических наук, доцент
filimonova_ai508@mail.ru

Кулакова Ольга Сергеевна,

юрист компании «ЕгоровКонсалтинг»,
преподаватель Отделения среднего профессионального
юридического образования Юридического института
Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых (ВлГУ),
магистрант
okulakova19@mail.ru

Дискуссия о сущности роли суда и значении судебных актов в системе источников права в Российской Федерации остается актуальной на протяжении уже многих десятилетий. Для ответа на вопрос суд — орган правоприменительный или правотворческой, авторы обращаются к рассмотрению категорий «правотворчество», «правоинтерпретация» и «правоприменение», анализируя их ключевые характеристики в контексте отправления правосудия. В статье проводится критическое осмысление существующих доктринальных взглядов на проблему судебного правотворчества в Российской Федерации. Авторы приходят к выводу о том, что судебные органы при рассмотрении споров интерпретируют действующие положения законодательства, сопоставляя элементы логической нормы права.

Ключевые слова: суд, судебное правотворчество, правоприменение, правоинтерпретация, толкование, логическая норма, источники прав.

Who Is the Court: The Law Interpreter or the Legislator?

Filimonova Anastasia I.

Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law
of the Law Institute of the Vladimir State University (VISU)
PhD (Law), Associate Professor

Kulakova Olga S.

Lawyer at EgorovConsulting
Lecturer of the Department of Secondary Professional Legal Education
of the Law Institute of the Vladimir State University (VISU)
Graduate Student

The discussion about the nature of the role of the court and the significance of judicial acts in the system of sources of law in the Russian Federation has been relevant for many decades. To answer the question of the court-a law-enforcement or law-making body, the authors turn to the consideration of the categories of law-making, law-criticism and law-enforcement, analyzing their key characteristics in the context of the administration of justice. The article provides a critical understanding of the existing doctrinal views on the problem of judicial law-making in the Russian Federation. The authors come to the conclusion that the judicial authorities interpret the current provisions of the legislation when considering disputes, comparing the elements of the logical rule of law.

Keywords: court, judicial law-making, law enforcement, legal interpretation, interpretation, logical norm, sources of rights.

На вопрос, есть ли место судебному правотворчеству в России, в стране, традиционно относящейся к романо-германской

правовой семье, пытались и пытаются найти ответы множество ученых-юристов прошлого и настоящего.

Теоретическое обоснование данного вопроса условно можно разделить на три периода: имперский (дореволюционный)¹, советский (постреволюционный)² и современный. С точки зрения П.А. Гука, такое выделение этапов связано со стадиями становления российской судебной системы, отличающимися качественными изменениями в работе органов правосудия³. В действительности коренное реформирование в функционировании отечественного судоустройства и судопроизводства, характеризующееся частой сменой траектории от гуманистических, демократических идей отправления правосудия до инквизиционного процесса и наоборот, детерминирует непрерывную дискуссию о месте и роли суда.

Обращаясь к современной критической литературе, можно заметить, что на сегодняшний день юридическое сообщество продолжает исследовать проблему судебного нормотворчества в России. Данная тема активно используется в качестве предмета научных и практических дискуссий, привлекает внимание специалистов различных областей юриспруденции. Вопрос о возможности использования результатов деятельности органов суда — судебной практики — так и не получил однозначного ответа.

Так, В.К. Андреев⁴, Н.Н. Вопленко⁵, П.А. Гук⁶, В.М. Жуйков⁷, К.В. Ображиев⁸,

Ю.А. Свиринов⁹, Б.С. Эбзеев¹⁰, М.В. Хусаинова¹¹ в своих трудах обосновывают необходимость признания за судебной практикой качеств формально-юридических источников российского права. Данные авторы выступают за наделение органов отправления правосудия правотворческими полномочиями.

В свою очередь, М.И. Байтин¹², С.А. Дробышевский и Т.Н. Данцева¹³, О.Е. Кутафин¹⁴, В.О. Лучин¹⁵, М.Г. Моисеенко, В.С. Нерсисянц¹⁶ обосновывают позицию, согласно которой судебная практика источником права признаваться не может. Их точки зрения отрицают возможность введения института судебного правотворчества в Российской Федерации.

Для ответа на вопрос суд — орган правоприменительный или правотворческий, на наш взгляд, в первую очередь необходимо рассмотреть такие категории, как «правотворчество», «правоинтерпретация» и «правоприменение».

С точки зрения Р.Б. Головкина, правотворчество представляет собой процесс

Журнал российского права. 2010. № 3 (159). С. 98–103.

⁹ Свиринов Ю.А. Судебный прецедент: от научных дискуссий к единообразию судебной практики // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 11. С. 20–25.

¹⁰ Эбзеев Б.С. Конституционное правосудие в России: системность и роль в обеспечении единства и целостности Российского государства // Конституционное правосудие в Российской Федерации: правовое регулирование, опыт, перспективы: материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Казань, 17 июня 2005 г.): сб. науч. ст. / под общ. ред. В.Н. Демидова. Казань: Центр инновационных технологий, 2005. С. 15–21.

¹¹ Хусаинова М.В. Общие закономерности развития судебного толкования в Российской Федерации и Федеративной Республике Германия // Евразийский юридический журнал. 2014. № 11. С. 83.

¹² Байтин М.И. Сущность права (современное нормативное правопонимание на грани двух веков). 2-е изд., доп. М., 2005. С. 496–498.

¹³ Дробышевский С.А., Данцева Т.Н. Формальные источники права. М., 2011. С. 158.

¹⁴ Кутафин О.Е. Источники конституционного права Российской Федерации. М., 2002. С. 145.

¹⁵ Лучин В.О., Моисеенко М.Г. Формирование правовых позиций Конституционного суда Российской Федерации по проблемам конституционного права // Теоретические проблемы российского конституционализма / под общ. ред. Т.Я. Хабриевой. М.: ИГП РАН, 2000. С. 54–73.

¹⁶ Нерсисянц В.С. Суд не законодательствует и не управляет, а применяет право // Судебная практика как источник права / отв. ред. Б.Н. Топорнин. М., 1997. С. 34–41.

¹ Кони А.Ф. Собрание сочинений: в 8 т. / под общей редакцией В.Г. Базанова и др.; вступ. ст. С. Волка, М. Выдри, А. Муратова. М., 1967. Т. 4. С. 44–45; Пахман С.В. О современном движении в науке права. СПб., 1882. С. 33; Шершеневич Г.Ф. Общая теория права: учебное пособие: в 2 т. (по изданию 1910–1912 гг.). М., 1995. Т. 2. Вып. 2–4. С. 88.

² Ленин В.И. Полное собрание сочинений: в 55 т. 5-е изд. М.: Госполитиздат, 1963. Т. 38. С. 115; Орловский П.Е. Значение судебной практики в развитии советского гражданского права // Советское государство и право. 1940. № 8–9. С. 91–97; Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Основные институты и понятия: в 4 ч. / пред. ред. совета В.М. Чхиквадзе. М., 1970. Ч. 1. С. 616–617.

³ Гук П.А. Актуальность исследования проблем судебного нормотворчества // Государственно-правовые исследования. 2020. № 3. С. 282–288.

⁴ Андреев В.К. Судебная практика и гражданское законодательство: проблемы взаимодействия // Российское правосудие. 2015. № 7. С. 10–15.

⁵ Вопленко Н.Н. Очерки общей теории права. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2009. С. 315.

⁶ Гук П.А. Указ. соч. С. 282–288.

⁷ Жуйков В.М. К вопросу о судебной практике как источнике права // Судебная практика как источник права: сб. ст. / отв. ред. Б.Н. Топорнин. М., 1997. С. 16–23.

⁸ Ображиев К.В. Судебное толкование и судебное нормотворчество: проблемы соотношения //

создания (творения) правовых норм, получающих закрепление в издаваемых уполномоченными на то органами законов и подзаконных нормативных актах. Данное определение разделяется множеством современных авторов¹⁷.

Анализируя основные черты правотворчества, важно заметить, что в рамках данной деятельности создается норма права, т.е. формально определенное правило поведения, установленное и санкционированное государством, выражаемое в общепризнанной форме и регулирующее общественные отношения. Уже из данного определения можно говорить, что результаты деятельности судов Российской Федерации, а именно постановления, определения и решения высших судов, не являются нормами права. Так как отсутствует один из основных признаков — закрепление в официально признанных формах права. Последними в нашей стране являются нормативно-правовой акт, договор нормативного содержания, обычай.

В правовых системах, признающих за судебными органами правотворческие компетенции, действуют такие формально-юридические источники права, как судебный прецедент. В России основной причиной возникновения спора о существовании судебного нормотворчества являются ситуации, в которых в результате рассмотрения дела создаются властные акты, содержащие в себе на первый взгляд неизвестные законодательству правоположения.

Анализ существующих концепций признания судебных актов в качестве формальных источников права показывает, что фундаментальным аргументом ее сторонников выступает условная нормативность и общеобязательность постановлений¹⁸. Такое понимание правоинтерпретационной деятельности судов противоречит духу правовой системы России, в которой официально признанной формой выражения норм считается нормативно-правовой акт.

Доктринальные позиции гласят, что Конституционный Суд Российской Федерации (далее — Конституционный Суд РФ) и Верховный Суд Российской Федерации (далее — Верховный Суд РФ) создают действующие в стране правовые положения,

нормативная сила которых отражается в их неоднократном использовании в юридической практике компетентных органов¹⁹. Однако, на наш взгляд, при таком подходе не учитывается существование одного из исходного начал отправления правосудия — принципа «единство судебной практики», направленного на единообразное, теоретически обоснованное применение закона, обеспечивающего защиту прав, свобод и интересов субъектов общественных отношений. Его реализация на практике детерминирует дискуссию о форме выражения правовых положений, возникновение которых происходит в процессе рассмотрения проблемных вопросов высшими судебными органами.

Такое унифицированное правовое положение, введенное в практику судебных органов в качестве эталона разрешения схожих юридических дел, несомненно, обладает признаками, присущими официально признанным формальным источникам права. В действительности данные акты создаются властным субъектом в пределах его компетенции в строгом соблюдении установленной процедуры, что отвечает требованиям, предъявляемым к источникам права. Однако в перечень легальных полномочий судебных органов, в первую очередь Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ, входит лишь толкование и обобщение действующей системы нормативно-правовых актов, а также законодательная инициатива²⁰.

В ситуациях, при которых судебные органы, рассматривая конкретное юридическое дело, сталкиваются с отсутствием прямого указания закона на то, как следует поступать, суды вынуждены искать наиболее оптимальное решение путем интерпретации существующих правовых норм. С нашей точки зрения, модели поведения, создаваемые судами, формируются в процессе уяснения и разъяснения уже действующих в России нормативно-правовых актов. Справедливой видится позиция В.П. Реутова, считающего, что результаты правоинтерпретационной деятельности

¹⁹ Гук П.А. Судебная практика как форма судебного нормотворчества в правовой системе России: общетеоретический анализ : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2012. С. 62.

²⁰ Федеральный конституционный закон от 5 февраля 2014 г. № 3 «О Верховном Суде Российской Федерации» // СЗ РФ. 2014. № 6. Ст. 2 ; Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1 «О Конституционном Суде Российской Федерации» // СЗ РФ. 1994. № 13. Ст. 3.

¹⁷ Теория государства и права : учебник для бакалавров / под ред. Р.Б. Головкина, Т.Н. Радько, Р.А. Ромашова. Владимир : ВЮИ ФСИН России, 2015. С. 219.

¹⁸ Лебедев В.М. Проблемы становления и развития судебной власти в Российской Федерации : автореф. ... дис. д-ра юрид. наук. М., 2000. С. 47.

судебных органов выступают в качестве почти готовых нормативных положений, ожидающих имплементации в систему законодательства²¹. На наш взгляд, акты, формируемые судами, в таком случае выступают в качестве промежуточного звена в нормотворческой деятельности, представляют собой модели будущих правовых норм.

На сегодняшний день в Российской Федерации одной из наиболее несформированных сфер правового регулирования является право интеллектуальной собственности²². Множество судебных споров, связанных с защитой авторского, смежного, патентного права, соблюдением норм в отношении знаков индивидуализации, ставят перед судьями значительное число вопросов, прямые ответы на которые в действующем законодательстве отсутствуют. Пробельность в системе нормативно-правовых актов данной сферы обуславливается непрерывным развитием общественных отношений, возникновением новых знаний и технологий. В связи с этим, с точки зрения экспертов, совокупность правовых актов, регулирующих поведение субъектов права по поводу обращения результатов творческого труда и приравненных к ним средств индивидуализации в гражданском обороте, носит догоняющий характер²³. В таких ситуациях судьи, разбирающие споры по данным категориям дел, занимаются систематизацией элементов норм существующего законодательства. Так, с точки зрения заместителя начальника Отдела обобщения судебной практики и статистики Суда по интеллектуальным правам А.Н. Оганесяна, в связи с постоянным изменением общественных отношений судебный орган осуществляет корректировку правового регулирования, ищет эталонные варианты применения норм права и формирует единообразную практику²⁴.

На наш взгляд, позиция, согласно которой суд является правоприменительным органом, выглядит наиболее взвешенной и разумной. В связи с этим необходимо обратиться к категории «правоприменение», понимаемой Р.Б. Головкиным как ответственная правореализационная деятельность государства, осуществляемая в особых, строго установленных процессуально-правовыми нормами формах в определенной последовательности управомоченными на то законом государственными органами и должностными лицами, в результате которой конкретные общественные отношения императивно регулируются посредством издания обязательного к исполнению правоприменительного акта, официально-властно провозглашающего статус или факт, влияющий на положение конкретного субъекта права²⁵. Правоприменение — это процесс, состоящий из трех этапов: установление фактических обстоятельств дела, определение применимых норм права и разрешение дела, в результате которого создается правоприменительный акт.

С нашей точки зрения, правоинтерпретационная деятельность суда является непосредственным этапом установления юридически значимых обстоятельств и определения правовых норм в процессе разрешения дела. Суд в рамках своей деятельности сначала уясняет правовые нормы, а далее разъясняет его остальным. В юридической литературе в процессе рассмотрения данного вопроса авторы забывают учитывать такой важный аспект в теории права, как логическая норма права, описываемая в трудах выдающихся правоведов: С.С. Алексеев²⁶, А.С. Пиголкин²⁷ и В.К. Бабаев²⁸.

С.С. Алексеев понимал под логической нормой выведенное мыслительной деятельностью субъекта, использующего правила логики, нормативное положение, воплощающее органическую связь между предписаниями, содержащее в себе весь набор свойств, раскрывающих его

²¹ Реутов В.П. Типы правопонимания и природа правотворчества // Правотворчество в Российской Федерации: проблемы теории и практики : материалы научно-практической конференции (г. Москва, 13–16 апреля) : сб. науч. ст. / отв. ред. В.М. Сырых, М.А. Занина. М., 2010. С. 80–86.

²² Мещеряков В.А. Системообразующая роль судебных прецедентов и правовых позиций Суда по интеллектуальным правам в области интеллектуальной собственности // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2016. № 11. С. 49–59.

²³ Жданова В.Н. Практика рассмотрения дел по оспариванию нормативных правовых актов Судом по интеллектуальным правам // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2020. № 28. С. 11–19.

²⁴ Крутлый стол «Интеллектуальное право: ключевые тренды» // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=aNYuEbDAU2E> (дата обращения: 27.03.2021).

²⁵ Теория государства и права : учебник для бакалавров. С. 337.

²⁶ Алексеев С.С. Общая теория права : курс : в 2 т. М. : Юридическая литература, 1982. Т. 2. С. 42–46.

²⁷ Пиголкин А.С. Теоретические проблемы правотворческой деятельности в СССР : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М. 1972. 23 с.

²⁸ Бабаев В.К. Логические проблемы социалистического права : дис. ... д-ра юрид. наук. Горький, 1980. С. 28.

государственно-властную, регулятивную природу²⁹. В отличие от нормы-предписания, логическая норма, как правило, не находится в тексте одной статьи властного предписания. Ее элементы содержатся в различных частях одного нормативно-правового акта или даже в нескольких формально-юридических источниках права. Установление такого правового положения требует высокого уровня профессиональной подготовки и глубоких юридических знаний, которыми обладают представители судейского сообщества. В связи с этим в структуру полномочий судебных органов входит такая непростая задача, как интерпретация действующего законодательства в ходе разрешения конкретного спора.

Выведение логической нормы Высшими судами Российской Федерации находит свое воплощение в правоприменительных актах, которые, по своей сути, являются системообразующими, влияющими на дальнейшую юридическую практику и даже на процесс законотворчества. Вместе с тем на сегодняшний день говорить о существовании судебного нормотворчества в стране романо-германской правовой семьи, на наш взгляд, кажется ошибкой.

²⁹ Алексеев С.С. Указ. соч. С. 42.

В качестве итога можно отметить, что вопрос о роли правовых позиций российских судебных органов судов в отечественной системе формально-юридических источников будет обсуждаться еще долгое время. В правовой теории и практике всегда найдутся как сторонники, так и противники судебного нормотворчества. Результаты правоинтерпретационной деятельности судов, бесспорно, влияют на единообразие применения норм законодательства, что обуславливает их значение для эффективного отправления правосудия. Однако, с нашей точки зрения, положения данных актов не создают новых правовых предписаний. В результате деятельности суда происходит установление элементов уже имеющихся норм права и даются рекомендации по их применению.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что в Российской Федерации суд, как орган государственной власти, выступает субъектом правоинтерпретации и правоприменения. Нормативный характер постановлений высших судебных органов обусловлен исключительно силой положений действующих нормативно-правовых актов, содержание которых раскрывается в воли суда.

Литература

1. Алексеев С.С. Общая теория права. В 2 томах. Т. 2 : курс / С.С. Алексеев. Москва : Юридическая литература, 1982. 360 с.
2. Андреев В.К. Судебная практика и гражданское законодательство: проблемы взаимодействия / В.К. Андреев // Российское правосудие. 2015. № 7. С. 10–15.
3. Бабаев В.К. Логические проблемы социалистического права : диссертация доктора юридических наук / В.К. Бабаев. Горький, 1980. 389 с.
4. Байтин М.И. Сущность права (современное нормативное правопонимание на грани двух веков) / М.И. Байтин. 2-е изд., доп. Москва : Право и государство, 2005. 554 с.
5. Вопленко Н.Н. Очерки общей теории права / Н.Н. Вопленко. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2009. 898 с.
6. Гук П.А. Актуальность исследования проблем судебного нормотворчества / П.А. Гук // Государственно-правовые исследования. 2020. № 3. С. 282–288.
7. Гук П.А. Судебная практика как форма судебного нормотворчества в правовой системе России: общетеоретический анализ : диссертация доктора юридических наук / П.А. Гук. Москва, 2012. 409 с.
8. Гук П.А. Судебный прецедент как источник права : диссертация кандидата юридических наук / П.А. Гук. Саратов, 2002. 202 с.
9. Дробышевский С.А. Формальные источники права / С.А. Дробышевский, Т.Н. Данцева. Москва : Норма: ИНФРА-М, 2011. 158 с.
10. Жданова В.Н. Практика рассмотрения дел по оспариванию нормативных правовых актов Судом по интеллектуальным правам / В.Н. Жданова // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2020. № 28. С. 11–19.
11. Жуйков В.М. К вопросу о судебной практике как источнике права / В.М. Жуйков // Судебная практика как источник права : сборник статей / ответственный редактор Б.Н. Топорнин. Москва : Институт государства и права Российской академии наук, 1997. С. 16–23.

12. Зорькин В.Д. Прецедентный характер решений Конституционного Суда Российской Федерации / В.Д. Зорькин // Журнал российского права. 2004. № 12. С. 3–9.
13. Кони А.Ф. Собрание сочинений. В 8 томах / А.Ф. Кони ; под общей редакцией В.Г. Базанова [и др.] ; вступительная статья С. Волка, М. Выдри, А. Муратова. Т. 4 / составитель и автор комментариев М.М. Выдря ; вступительная статья И.Д. Перлова. Москва : Юридическая литература, 1967. 528 с.
14. Кутафин О.Е. Источники конституционного права Российской Федерации / О.Е. Кутафин. Москва : Юрист, 2002. 348 с.
15. Лебедев В.М. Проблемы становления и развития судебной власти в Российской Федерации : автореферат диссертации доктора юридических наук / В.М. Лебедев. Москва, 2000. 366 с.
16. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. В 55 томах. Т. 38. Март — июнь 1919 / В.И. Ленин. 5-е изд. Москва : Государственное изд-во политической лит-ры, 1963. 579 с.
17. Лучин В.О. Формирование правовых позиций Конституционного суда Российской Федерации по проблемам конституционного права / В.О. Лучин, М.Г. Моисеенко // Теоретические проблемы российского конституционализма / под общей редакцией Т.Я. Хабриевой. Москва : ИГП РАН, 2000. С. 54–73.
18. Марксистско-ленинская общая теория государства и права. В 4 частях. Ч. 1. Основные институты и понятия / председатель редакционного совета В.М. Чхиквадзе. Москва : Юридическая литература, 1970. 622 с.
19. Мещеряков В.А. Системообразующая роль судебных прецедентов и правовых позиций Суда по интеллектуальным правам в области интеллектуальной собственности / В.А. Мещеряков // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2016. № 11. С. 49–59.
20. Нерсесянц В.С. Суд не законодательствует и не управляет, а применяет право / В.С. Нерсесянц // Судебная практика как источник права / ответственный редактор Б.Н. Топорнин. Москва : Изд-во ИГиП РАН, 1997. С. 34–41.
21. Ображиев К.В. Судебное толкование и судебное нормотворчество: проблемы соотношения / К.В. Ображиев // Журнал российского права. 2010. № 3 (159). С. 98–103.
22. Орловский П.Е. Значение судебной практики в развитии советского гражданского права / П.Е. Орловский // Советское государство и право. 1940. № 8–9. С. 91–97.
23. Пахман С.В. О современном движении в науке права / С.В. Пахман. Санкт-Петербург : Тип. Правительствующего сената, 1882. 68 с.
24. Пиголкин А.С. Теоретические проблемы правотворческой деятельности в СССР : автореферат диссертации доктора юридических наук / А.С. Пиголкин. Москва, 1972. 23 с.
25. Поляков С.Б. Судебный прецедент в России: форма права или произвола? / С.Б. Поляков // Lex Russica (Русский закон). 2015. № 3. С. 28–42.
26. Реутов В.П. Типы правопонимания и природа правотворчества / В.П. Реутов // Правотворчество в Российской Федерации: проблемы теории и практики : материалы научно-практической конференции (г. Москва, 13–16 апреля 2009 г.) : сборник научных статей / ответственные редакторы В.М. Сырых, М.А. Занина. Москва : Российская академия правосудия, 2010. С. 80–86.
27. Свиринов Ю.А. Судебный прецедент: от научных дискуссий к единообразию судебной практики / Ю.А. Свиринов // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 11. С. 20–25.
28. Теория государства и права : учебник для бакалавров / под редакцией Р.Б. Головкина, Т.Н. Радько, Р.А. Ромашова. Владимир : ВЮИ ФСИН России, 2015. 600 с.
29. Хусаинова М.В. Общие закономерности развития судебного толкования в Российской Федерации и Федеративной Республике Германия / М.В. Хусаинова // Евразийский юридический журнал. 2014. № 11 (78). С. 83–87.
30. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. В 2 томах. Т. 2. Вып. 2–4 : учебное пособие (по изданию 1910–1912 гг.) / Г.Ф. Шершеневич. Москва : Спарк, 1995. 168 с.
31. Эбзеев Б.С. Конституционное правосудие в России: системность и роль в обеспечении единства и целостности Российского государства / Б.С. Эбзеев // Конституционное правосудие в Российской Федерации: правовое регулирование, опыт, перспективы : материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Казань, 17 июня 2005 г.) : сборник научных статей / под общей редакцией В.Н. Демидова. Казань : Центр инновационных технологий, 2005. С. 15–21.

Сходства и различия подходов к конструкции юридического лица в публичном и частном праве

Пархоменко Андрей Дмитриевич,

аспирант кафедры гражданского права

Московского государственного юридического университета

имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

and2.95@mail.ru

Статья посвящена анализу правового положения и места юридического лица в современном отечественном праве. На современном этапе развития законодательства и судебной практики наблюдается пересмотр признаков юридического лица, казавшихся до этого незыблемыми. Так, например, некоторыми учеными-правоведами высказываются обоснованные опасения о «смерти» юридических лиц как организаций, обладающих обособленным имуществом. С учетом новых положений Гражданского, Налогового, процессуальных и иных кодексов, участники юридического лица больше не могут рассчитывать на ответственность, ограниченную размером вклада в уставный капитал. При этом нормативно установленные формулировки, относящиеся к регулированию отношений, связанных со «стиранием» границ имущественной сферы организаций и их руководителей, не всегда дают четкое понимание условий применения тех или иных положений законодательства. Зачастую участникам экономического оборота приходится ориентироваться на частные случаи правоприменительной практики ввиду наличия широких дискреционных полномочий судов, например, по определению отношений контроля над организациями, который осуществляется «фактически» или «иным образом». Данные обстоятельства создают состояние неопределенности правового регулирования для участников оборота.

Ключевые слова: юридические лица, субсидиарная ответственность, банкротство, контролируемые иностранные компании, контролирующие лица, косвенные иски, обособленное имущество.

Similarities and Differences of Approaches to the Structure of a Legal Entity in Public and Private Law

Parkhomenko Andrey D.

Postgraduate Student of the Department of Civil Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

The article is dedicated to the analysis of the legal position and place of a legal entity in modern domestic law. At the present stage of development of legislation and judicial practice, there is a revision of the characteristics of a legal entity, which seemed to be unshakable before. So, for example, some legal scholars express well-founded fears about the "death" of legal entities as organizations with separate property. Taking into account the new provisions of the Civil, Tax, Procedural and other codes, participants in a legal entity can no longer count on liability limited to the amount of contribution to the authorized capital.

At the same time, the normatively established formulations relating to the regulation of relations associated with the "erasure" of the boundaries of the property sphere of organizations and their leaders do not always give a clear understanding of the conditions for the application of certain provisions of the legislation. Often, participants in economic turnover have to focus on particular cases of law enforcement practice due to the presence of broad discretionary powers of the courts, for example, to determine relations of control over organizations, which is carried out "in fact" or "in a different way". These circumstances create a state of uncertainty in legal regulation for the turnover participants.

Keywords: legal entities, subsidiary liability, bankruptcy, controlled foreign companies, controlling persons, indirect claims, separate property.

Категория юридического лица является одной из самых разработанных в отечественной правовой доктрине. «Юридические лица были в течение всего XIX века одной из излюбленных тем в цивилистической литературе»¹, — так

писал классик русской цивилистики профессор И.А. Покровский. Тем не менее в науке до сих пор не выработано единого подхода к пониманию данного правового института. В последнее время с учетом изменений корпоративного, налогового законодательства и законодательства о банкротстве данная тема не теряет своей актуальности и сегодня. В настоящий момент ведутся дискуссии

¹ Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права / вступ. ст. А.Л. Маковского. М.: Статут, 1998. С. 129.

относительно злоупотребления конструкцией юридического лица в части обособления имущества юридического лица от имущества контролирующих его лиц.

Современные тенденции российской публично-правовой политики связаны с проблемой деофшоризации и пресечением легализации доходов, полученных преступным путем. В частноправовой сфере наблюдается ярко выраженное стремление законодателя к противодействию злоупотреблениям недобросовестных участников гражданского оборота, в том числе с использованием механизма ограниченной ответственности по долгам организации. Следует отметить, что и в публичном, и в частном праве критически важным аспектом является поиск конечного бенефициара². Методики и процедуры выявления таких лиц заимствованы из зарубежного права, англо-американского прежде всего. В свое время высшими судебными инстанциями США и Великобритании были выработаны доктрины и основания («тесты»), на основании которых выявлялись противоправные цели. Противоправные цели в английском праве означают, что должник умышленно действует в нарушение норм права или принципа добросовестности, используя при этом свои дочерние компании в качестве исключительно оболочки (*shell*) для достижения целей, которые он не смог бы достичь законным путем³. Данный инструментарий является частью доктрины «снятия корпоративной вуали», широко обсуждаемой не только в зарубежных, но и в отечественных научных кругах. Для целей настоящего исследования под *институтом «снятия корпоративной вуали» предлагается понимать совокупность правовых норм, регулирующих отношения по обращению взыскания на имущество третьих лиц вследствие нивелирования*

границ имущественной обособленности между компаниями, учредителями, контролирующими лицами и пр.

Будучи изначально институтом сугубо частного права, снятие корпоративной вуали в последнее время находит свое отражение и в праве публичном. Для сравнения предлагаю рассмотреть смежные понятия из НК РФ и Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее — Закон № 127-ФЗ⁴).

Контролирующим лицом контролируемой иностранной компании (далее — КИК) может быть признано физическое или юридическое лицо, являющееся налоговым резидентом Российской Федерации и соответствующее любому из критериев, указанных в ст. 25.13 НК РФ⁵:

- доля его участия в организации составляет более 25%;
- доля участия лица в организации (для физических лиц — совместно с супругами и несовершеннолетними детьми) составляет более 10% в случае, если более 50% долей участия в этой организации принадлежит резидентам Российской Федерации;
- лицо, оказывающее определяющее влияние на решения, принимаемые организациями в отношении распределения полученной прибыли (п. 6 ст. 25.13 НК РФ).

Согласно ст. 61.10 Закона № 127-ФЗ под контролирующим должника лицом понимается физическое или юридическое лицо, имеющее либо имевшее не более чем за три года, предшествующих возникновению признаков банкротства, а также после их возникновения до принятия арбитражным судом заявления о признании должника банкротом **право давать обязательные для исполнения должником указания или возможность иным образом определять действия должника, в том числе по совершению сделок и определению их условий.**

Возможность определять действия должника может достигаться:

- 1) в силу нахождения с должником (руководителем или членами органов

² Под бенефициаром следует понимать «контролирующее лицо» в смысле ст. 25.13 Налогового кодекса Российской Федерации (далее — НК РФ) и «контролирующее должника лицо» в смысле ст. 61.10 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». См.: СПС «Консультант-Плюс».

³ Davies P., Morse G. *Palmer's Company Law*. 25th ed. London: Sweet & Maxwell, 1992.

⁴ Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».

⁵ Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ.

управления должника) в отношении родства или свойства, должностного положения;

2) в силу наличия полномочий совершать сделки от имени должника, основанных на доверенности, нормативном правовом акте либо ином специальном полномочии;

3) в силу должностного положения (в частности, замещения должности главного бухгалтера, финансового директора должника либо лиц, указанных в подпункте, **а также иной должности, предоставляющей возможность определять действия должника**).

Исходя из анализа вышеприведенных норм, существуют как безусловные критерии контроля (доля участия, полномочия совершать сделки, отношения родства), так и условные критерии, зависящие от конкретных обстоятельств в каждом отдельно взятом деле. Конструируя нормы таким образом, законодатель дает широкие возможности по выявлению таких лиц, не ограничивая истцов и суд строгими рамками. Ввиду этого в судебной практике появляются экзотические и весьма неоднозначные дела, связанные с привлечением к субсидиарной ответственности, например, детей⁶ контролирующего лица, наследников контролирующего лица⁷, юрисконсультов⁸ организации-банкрота и т.д. Важным аспектом регулирования данных отношений является то, что терминология Гражданского кодекса Российской Федерации и терминология Закона № 127-ФЗ не совпадают друг с другом, что также вызывает определенные сложности на практике⁹.

⁶ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 23 декабря 2019 г. № 305-ЭС19-13326 по делу № А40-131425/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 16 декабря 2019 г. № 303-ЭС19-15056 по делу № А04-7886/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Определение Судебной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2020 г. № 305-ЭС17-9623 (7) по делу № А41-34824/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

⁹ Долинская В.В. Проблемы понятийного аппарата в законодательстве о несостоятельности (банкротстве): размышления о главе III.2

Появление в п. 2 ст. 7 НК РФ понятия «лицо, имеющее фактическое право на доходы», а в Федеральном законе от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма»¹⁰ (далее — Закон № 115-ФЗ) понятия «бенефициарный собственник» сближает публичное и частное право в контексте регулирования отношений, связанных с фактическим управлением делами организации, и поиска конечного выгодоприобретателя организации.

Согласно указанному положению НК РФ лицом, имеющим фактическое право на доходы, признается лицо, которое в силу прямого и (или) косвенного участия в организации, *контроля над организацией либо в силу иных обстоятельств* имеет право самостоятельно пользоваться и (или) распоряжаться доходом, полученным этой организацией.

Согласно ст. 3 Закона № 115-ФЗ бенефициарным владельцем признается физическое лицо, которое в конечном счете прямо или косвенно (через третьих лиц) владеет (имеет преобладающее участие более 25% в капитале) клиентом — юридическим лицом либо имеет возможность контролировать действия клиента.

Несмотря на то что гражданскому законодательству неизвестно понятие «бенефициарный владелец», законодатель посредством формулировки «*возможность иным образом определять действия должника*» максимально упростил задачу по выявлению контролирующего лица в рамках дел о банкротстве. Стоит отметить, что институт бенефициарной собственности и бенефициарных владельцев возник в английском праве справедливости (*equity*) и в первую очередь является институтом частного (корпоративного права). Смысл бенефициарного владения в английском праве заключается

ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 7. С. 9–15.

¹⁰ Федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // СПС «КонсультантПлюс».

в том, что бенефициарный владелец фактически руководит организацией, при этом формальным управляющим является другое лицо (номинальный директор/акционер). Как было указано выше, российскому частному праву неизвестно понятие трастовой структуры и бенефициарной собственности¹¹. Такие институты в принципе не могут быть инкорпорированы в российское гражданское законодательство или законодательство о юридических лицах ввиду принципиального различия российской системы права и системы общего права Англии. Вместе с тем российское публичное право вполне нормально восприняло данные правовые институты и смогло преодолеть их неизвестность праву частному. Например, положениями о КИК предусмотрено два вида уведомлений налоговых органов¹²:

- уведомление об участии в иностранных организациях (подается, если доля участия в иностранной организации превышает 10%);

- уведомление о контролируемых иностранных компаниях (по общему правилу подается в случае, если доля участия превышает 25%).

То есть если лицо контролирует иностранную компанию, оно естественным образом участвует в ней, следовательно, ему необходимо подавать оба указанных уведомления. Однако в случае участия в организации посредством траста или на основании трастовой декларации уведомление об участии не подается, подается только уведомление о КИК¹³. Данная ситуация возможна из-за того, что к обязанности по уведомлению об участии в иностранной организации применяются строгие критерии, касающиеся доли участия, а к обязанности по уведомлению о КИК может быть применено регулирование, касающееся

осуществления «фактического контроля».

Еще одним интересным аспектом, касающимся снятия корпоративной вуали и конструкции обособления юридических лиц и их участников, является проблема косвенных исков. Косвенный иск позволяет участникам юридического лица подавать иск в защиту прав и законных интересов компании в установленных законом случаях. В связи с этим перед российскими судебными органами возник вопрос: может ли косвенный иск быть подан лицом, осуществляющим косвенный контроль через *другие организации*?

Судебная практика на этот счет весьма противоречива, это можно проиллюстрировать на примере двух споров: «Москалев v ЗАО „Аспект-Финанс“»¹⁴ и «Постригайло v ООО „Разрез Аршановский“»¹⁵. В первом случае имело место оспаривание решения собрания организации, во втором — взыскание убытков в пользу организации.

В деле «Москалев v ЗАО „Аспект-Финанс“» суд пришел к выводу о том, что истец имел законный интерес в сохранении имущества акционерного общества, а также полагал, что в случае признания недействительным оспариваемого решения собрания акционеров будут восстановлены его нарушенные права как конечного бенефициара. В деле «Постригайло v ООО „Разрез Аршановский“» суд пришел к обратному выводу. Он установил, что истец не имеет полномочий по представлению интересов компании ввиду того, что истец может реализовать свои права через исполнительные органы офшорных компаний — участниц ООО «Разрез Аршановский», приобретая право на участие в которых, истец не мог не знать о созданной сложной корпоративной структуре управления в ООО «Разрез Аршановский».

¹¹ Канашевский В.А. Концепция бенефициарной собственности в российской судебной практике (частноправовые аспекты) // Журнал российского права. 2016. № 9. С. 27–38.

¹² Пункт 1 ст. 25.14 Налогового кодекса Российской Федерации (часть первая) от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ.

¹³ Парадокс в том, что такая ситуация не отразилась ни в НК РФ, ни в судебной практике, ни в разъясняющих письмах исполнительных органов власти.

¹⁴ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 31 марта 2016 г. № 305-ЭС15-14197 по делу № А40-104595/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁵ Определение Арбитражного суда Республики Хакасия от 5 сентября 2018 г. по делу № А74-3619/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

Дальнейшую судебную практику по данной проблематике спрогнозировать затруднительно ввиду того, что высшей судебной инстанцией до сих пор не выработан единый подход к возможности подачи «двойного» (или «производного») косвенного иска.

Таким образом, в современном российском публичном и частном праве воспринят англо-американский подход к стиранию границ между организациями и ее учредителями. В случаях привлечения юридического лица к ответственности его участники и руководители

больше не могут рассчитывать на объем ответственности, ограниченный их вкладом в уставный капитал. И публичное, и частноправовое законодательство оперирует понятием контроля для целей определения конечного бенефициара, имеющего право на определение действий компании и способного влиять на распределение прибыли. В целом можно утверждать, что такой подход соответствует реалиям времени и современным тенденциям, однако существует ряд проблемных моментов, нуждающихся в законодательной корректировке.

Литература

1. Долинская В.В. Проблемы понятийного аппарата в законодательстве о несостоятельности (банкротстве): размышления о главе III.2 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» / В.В. Долинская // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 7. С. 9–15.
2. Канашевский В.А. Концепция бенефициарной собственности в российской судебной практике (частноправовые аспекты) / В.А. Канашевский // Журнал российского права. 2016. № 9. С. 27–38.
3. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права / И.А. Покровский ; вступительная статья А.Л. Маковского. Москва : Статут, 1998. 352 с.

References

1. Davies P. Palmer's Company Law / P. Davies, G. Morse. 25th ed. London : Sweet & Maxwell, 1992. 2205 p.

Почему важен DOI и как это влияет на качество научной информации и ее последующее цитирование?

DOI значительно облегчает процедуры цитирования, поиска и локализации научной публикации.

DOI повышает авторитет журнала, он свидетельствует о технологическом качестве издания.

DOI является неотъемлемым атрибутом системы научной коммуникации за счет эффективного обеспечения процессов обмена научной информацией.

При цитировании статьи с DOI одним из журналов, входящих в Scopus, Web of Science или какую-либо другую престижную библиографическую базу, данные статьи и автора также заносятся в эти базы.

Все журналы, входящие в Scopus, Web of Science и Springer, в обязательном порядке присваивают своим статьям DOI.

Как ссылаться на статью с DOI?

Альханова Г.К. Построение «дома качества» для сливочного масла / Г.К. Альханова, Р.В. Залилов, Б.К. Асенова // Международный научно-исследовательский журнал. 2015. № 7 (38). Часть 1. № 7–1 (38). С. 6–10. DOI: 10.18454/IRJ.2015.0001

Как проверить DOI статьи?

DOI, присвоенный любой организацией, можно проверить непосредственно на сайте IDF DOI: <http://www.doi.org/>

Досудебное соглашение о сотрудничестве. Остались ли вопросы?

Мельников Виктор Юрьевич,

профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики
Ростовского института (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России),
доктор юридических наук, доцент
juliameln@mail.ru

В статье анализируется ряд вопросов, связанных с досудебным соглашением о сотрудничестве. Отмечается, что в целях повышения качества рассмотрения дел в особом порядке при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве целесообразно неукоснительно соблюдать требования материального и процессуального законодательства при рассмотрении дел в порядке главы 40.1 УПК РФ, учитывать мнение потерпевшего при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, о возможности рассмотрения дела в особом порядке, а также другие вопросы.

Ключевые слова: досудебное соглашение о сотрудничестве, суд, потерпевший, уголовное судопроизводство.

Pre-Trial Cooperation Agreement. Are There Any Questions Left?

Melnikov Viktor Yu.

Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics
of the Rostov Institute (Branch) of the All-Russian State University of Justice
(RLA of the Ministry of Justice of Russia)
LL.D., Associate Professor

The article analyzes a number of issues related to the pre-trial cooperation agreement. It is noted that in order to improve the quality of cases in a particular order at the conclusion of pretrial agreement on cooperation it is advisable to comply strictly with the requirements of substantive and procedural law in considering cases in the order of Chapter 40.1 of the criminal procedure code of the Russian Federation, to take into account the opinion of the victim at the conclusion of pretrial agreement on cooperation, the possibility of case consideration in a special order, as well as other issues.

Keywords: pre-trial cooperation agreement, court, victim, criminal proceedings.

Как мы знаем, термин «досудебное соглашение о сотрудничестве» раскрывается в п. 61 ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ), введенном в действие Федеральным законом от 29 июня 2009 г. № 141-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». Стороны обвинения и защиты получают возможность заключить сделку с правосудием на взаимовыгодных условиях. Такая сделка должна была сократить сроки рассмотрения уголовных дел, уменьшить расходы государства на уголовное судопроизводство.

С каждым годом в российском обществе возрастает запрос на справедливость и соблюдение прав и свобод человека. Следует отметить, что соглашение о со-

трудничестве может успешно работать лишь в правовом государстве, а человек, которому предлагают помочь следствию, должен иметь высокую правовую культуру, основополагающие ценности и убеждения. В современных же условиях развитие правового государства, гражданского общества, соглашение о сотрудничестве могут стать фактически врагами справедливого правосудия. Обвиняемый, например, просто оговоривший другого человека, получает минимальный срок, а следствие и суд фактически избавляются от необходимости устанавливать лицо, совершившее преступление, привлекать истинных виновных к уголовной ответственности. В результате принцип состязательности процесса не соблюдается, сторона защиты, потерпевшие фактически не участвуют в процессе. Примеров негативного применения

института соглашения с правосудием в правоприменительной практике много. Показания обвиняемого становятся основой для уголовного преследования других лиц, при этом других достаточных и достоверных доказательств в деле иногда может вообще не быть. Такие показания могут быть использованы и недобросовестными работниками правоохранительных органов, предлагающими обвиняемому, например, дать показания на другого человека как на соучастника преступления.

О несовершенствах системы досудебных соглашений и особого порядка в России говорил и Президент Российской Федерации. В.В. Путин еще весной 2019 г. призвал органы выступать против рассмотрения дел в особом порядке, если есть сомнения в доказанности обвинения и добровольности признаний, полученных от обвиняемых. Вопросам заключения досудебного соглашения о сотрудничестве посвящены работы и многих российских авторов¹, анализы правоприменительной практики, выводы и призывы руководителей правоохранительных органов, но все они остались без должного внимания, каких-либо изменений в законодательстве не последовало.

По данным сводной статистической отчетности судами общей юрисдикции по первой инстанции, в 2019 г. при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (глава 40.1 УПК РФ) рассмотрено с вынесением приговора или прекращено 2,6 тыс. дел (в 2018 г. — 2,8 тыс.), осуждено — 2,6 тыс. лиц (в 2018 г. — 2,8 тыс.), дела прекращены в отношении 62 лиц (в 2018 г. — 89)².

¹ См., напр.: Досудебное соглашение о сотрудничестве. Проблемы совершенствования: учебное пособие / под ред. Ф.К. Зиннурова, Г.Б. Мирзоева. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2014. 119 с.; Куденко С.М. Современный взгляд на институт досудебного соглашения о сотрудничестве // Вестник Уральского юридического института МВД России. Право. 2019. № 2 (22). С. 14; Титова К.А., Топчиева Т.В. Актуальные проблемы досудебного соглашения о сотрудничестве // Общество и право. Право. 2018. № 4 (66). С. 75; Эдилова П.В. Соглашение о сотрудничестве с обвиняемым в уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. С. 76; и др.

² Анализ проведен на основании сводных по Российской Федерации статистических сведений по

Согласно сводным статистическим сведениям о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей, только за 1 полугодие 2020 г. при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (глава 40.1 УПК РФ) поступило 1 293 дела (в 2019 г. — 3 319 дел), осуждено 1 160 человек (в 2019 г. — 3 009), в отношении 135 человек дела были прекращены (в 2019 г. — 472). Согласно сведениям по поданным представлениям прокурора об особом порядке принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (глава 40.1 УПК РФ), поступило представление прокурора (ст. 317.5 УПК РФ) по числу лиц — 1 227, принято решение о назначении судебного разбирательства в общем порядке (ч. 3 ст. 317.6 УПК РФ) — 60³.

Возможность обжаловать решение следователя об отказе в заключении соглашения имеется только в ведомственном порядке (ч. 4 ст. 317.1, ч. 2 ст. 317.2 УПК РФ), противоречит ст. 19 УПК РФ, согласно которой свобода выбора обжалования (ведомственный, судебный порядок, обжалование прокурору) является принципом уголовного судопроизводства и подтверждается сложившейся правоприменительной практикой. Существуют расхождения и с положениями ст. 125 УПК РФ.

Если сторона защиты не согласится с процессуально закрепленным решением прокурора о несоблюдении обвиняемым условий соглашения о сотрудничестве, представляется весьма призрачной перспектива обращения вышестоящему прокурору или в суд с жалобой в порядке ст. 123, 125 УПК РФ на действия прокурора.

О фактах неисполнения условий заключенного досудебного соглашения о сотрудничестве прокурору может стать известно только по завершении предварительного расследования при изучении уголовного дела, поступившего к нему с обвинительным заключением.

форме № 1 «Отчет о работе судов по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции».

³ Официальный сайт судебного департамента Верховного Суда Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5461>

Более подробно и четко порядок действий прокурора при получении сведений о несоблюдении обвиняемым досудебного соглашения о сотрудничестве изложен в п. 1.16 Приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 15 марта 2010 г. № 107 «Об организации работы по реализации полномочий прокурора при заключении с подозреваемыми (обвиняемыми) досудебных соглашений о сотрудничестве по уголовным делам»⁴. В этом случае выносится постановление о прекращении досудебного сотрудничества, а при выполнении требований ст. 221 УПК РФ — постановление об отказе во внесении представления, предусмотренного ст. 317.5 УПК РФ. С учетом изложенного есть основание и в УПК РФ разработать соответствующие изменения и дополнения.

Как нам известно, согласно общим требованиям рассмотрение дела в особом порядке судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением возможно только в случае согласия на то потерпевшего (глава 40 УПК РФ). Как показала проведенное автором исследование, в материалах уголовных дел практически всегда имеются документы, свидетельствующие о том, что потерпевший согласен с рассмотрением дела в особом порядке. Да, неявка потерпевшего, его законного представителя, представителя, а также гражданского истца, гражданского ответчика и их представителей в судебное заседание без уважительных причин при условии их надлежащего извещения также не является препятствием для рассмотрения уголовного дела. Но в данном случае потерпевший уведомлен и согласен с рассмотрением дела в особом порядке, ему возмещен ущерб, нанесенный преступлением.

В главе 40.1 УПК РФ термины «потерпевший», «гражданский истец» не употребляются. Судебное заседание

проводится только с обязательным участием подсудимого и его защитника. В новой редакции ч. 1 ст. 314 УПК РФ уже не требуется и согласия потерпевшего на рассмотрение дела в особом порядке по уголовным делам о преступлениях небольшой или средней тяжести⁵. В 2020 г. утратила силу и ч. 4 ст. 314 УПК РФ о том, что если государственный либо частный обвинитель и (или) потерпевший возражают против заявленного обвиняемым ходатайства, то уголовное дело рассматривается в общем порядке.

Таким образом, уголовно-процессуальный закон не обязывает учитывать мнение потерпевшего при заключении обвиняемым досудебного соглашения о сотрудничестве, что является явным несовершенством законодательства и может привести к необоснованному и несправедливому приговору. Заключение досудебного соглашения с подозреваемым, обвиняемым может повлечь существенное нарушение прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства со стороны защиты, так как возможность заключения соглашения не ставится в зависимость и от возмещения вреда потерпевшему, причиненного преступлением.

Как показал проведенный автором опрос практических сотрудников, они не часто «возмущаются» по вопросу данного требования закона, сроки рассмотрения дела стоят на первом месте. На практике часто забывается, что уголовное судопроизводство имеет, в частности, своим основным назначением защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений (ст. 6 УПК РФ). Следует отметить, что в данном случае фактически нарушаются права не только потерпевших, но и самих обвиняемых при последующем назначении судом виновным наказания. Целесообразно законодательно указать, что без показаний, и мнения потерпевшего в частности, относительно личного участия обвиняемого в совершенном

⁴ Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 15 марта 2010 г. № 107 «Об организации работы по реализации полномочий прокурора при заключении с подозреваемыми (обвиняемыми) досудебных соглашений о сотрудничестве по уголовным делам». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1257288/>

⁵ Часть 1 ст. 314 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. Федерального закона от 20.07.2020 № 224-ФЗ) // СПС «Консультант-Плюс».

преступлении, учета его мнения о возможности рассмотрения дела в особом порядке нельзя объективно принять решение о возможности заключения досудебного соглашения о сотрудничестве, рассмотрения дела в особом порядке (глава 40.1 УПК РФ).

Да, законодатель предусмотрел, что согласно ст. 63.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) (без применения положений ч. 2, 3 и 4 ст. 62 УК РФ, касающихся срока и размера наказания, и ст. 64 УК РФ), ч. 3, 4 ст. 317.6 и ч. 5 ст. 317.7 УПК РФ суд принимает решение о прекращении особого порядка судебного разбирательства и назначает судебное разбирательство в общем порядке. Однако существующее на настоящее время требование (ч. 2 ст. 317.6 УПК РФ) не всегда может стать надежным заслоном на пути последующего вынесения судом обоснованного и справедливого приговора.

Как показали результаты проведенного автором исследования, суд основывает свое решение фактически лишь на том обстоятельстве, что государственный обвинитель в судебном заседании подтвердил активное содействие обвиняемого следствию в раскрытии и расследовании преступления и при заключении соглашения присутствовал защитник. Так, в приговоре суда обычно указывается следующая формулировка: «Государственный обвинитель в судебном заседании подтвердил выполнение Х.В.С. надлежащим образом условий досудебного соглашения...»⁶.

⁶ См., напр.: Приговоры: Центрального районного суда г. Новокузнецка от 27 февраля 2018 г. № 1-82/2018 1-820/2017 по делу № 1-82/2018 ; Кировского районного суда Ставропольского края города Новопавловска в отношении М., обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 30, п. «а, г» ч. 4 ст. 228.1, п. «а, г» ч. 4 ст. 228.1, ч. 1 ст. 30, ч. 5 ст. 228.1 УК РФ, от 1 апреля 2015 г. № 1-67/2015 ; Исакогорского районного суда г. Архангельска в отношении Ш.А.А., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ст. 30 ч. 3, 228 ч. 2 УК РФ, М.И.В., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ст. 30 ч. 3, 33 ч. 5, 228 ч. 2 УК РФ, от 2 августа 2011 г. № 1-84/2011 ; и др. // Обобщение судебной практики по рассмотрению районными (городскими) судами дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (глава 40.1 УПК РФ) причин отмены и изменения судебных решений

Обстоятельства фактического несоблюдения досудебного соглашения о сотрудничестве бывает трудно возможно установить до вынесения приговора, часто об этом становится известно после вступления приговора в законную силу. Как показывает проведенное автором исследование, последующие отмены приговоров послужили следствием невнимательного изучения судами положений главы 40.1 УПК РФ, а также ненадлежащего изучения досудебного соглашения и обвинительного заключения, касающихся квалификации содеянного осужденными⁷.

Именно в связи с наличием многочисленных нарушений при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве в 2016 г. законодатель вынужден был внести поправки в УПК РФ⁸. Как нам известно, уголовно-процессуальный закон предусматривает такое неблагоприятное последствие для лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, в случае невыполнения им его условий, как отмена или изменение решения суда в апелляционном порядке. Данное последствие, наряду с возможностью расторжения соглашения, судебного разбирательства дела в обычном порядке,

в апелляционном и кассационном порядке. URL: <https://pravol63.ru>

⁷ Приговоры Энгельского районного суда Саратовской области в отношении З. осужденного по ч. 1 ст. 228, ч. 2 ст. 228 УК РФ и по ч. 1 ст. 174 УК РФ ; Октябрьского районного суда г. Саратова в отношении Т., признанного виновным по п.п. «а, г» ч. 4 ст. 228.1, ч. 1 ст. 30, п.п. «а, г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ ; Октябрьского районного суда г. Саратова в отношении К., обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 30, п. «а» ч. 4 ст. 228.1, п.п. «а, г» ч. 4 ст. 228.1, ч. 1 ст. 30, п.п. «а, г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ, которые были отменены Судебной коллегией по уголовным делам Саратовского областного суда и направлены для нового рассмотрения в районный суд // Обобщение судебной практики по рассмотрению районными (городскими) судами дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (глава 40.1 УПК РФ) причин отмены и изменения судебных решений в апелляционном и кассационном порядке. URL: <https://pravol63.ru/obobshhenie-sudebnoj-praktiki>

⁸ Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 322-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросу совершенствования порядка судопроизводства при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» // СПС «КонсультантПлюс».

пересмотра судебного решения в части назначенного наказания, рассматривается как процессуальная ответственность указанного лица. Да и поворот к худшему при пересмотре судебного решения и в порядке надзора не допускается, за исключением случаев, предусмотренных ст. 401.6 УПК РФ.

Важна по этим вопросам позиция Конституционного Суда Российской Федерации, выраженная в Постановлении от 20 июля 2016 г. № 17-П «По делу о проверке конституционности положений частей второй и восьмой статьи 56, части второй статьи 278 и главы 40.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Д.В. Усенко», а также позиция Европейского суда по правам человека от 4 декабря 2014 г. по

делу «Александр Валерьевич Казаков против России»⁹.

В целях повышения качества рассмотрения дел в особом порядке, принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве целесообразно: неукоснительно соблюдать требования материального и процессуального законодательства при рассмотрении дел в порядке главы 40.1 УПК РФ, учитывать мнение потерпевшего, частного обвинителя, гражданского истца при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, о возможности рассмотрения дела в особом порядке.

⁹ Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: <https://genproc.gov.ru/documents/espch/document-1023731/>

Литература

1. Досудебное соглашение о сотрудничестве. Проблемы совершенствования : учебное пособие / под редакцией Ф.К. Зиннурова, Г.Б. Мирзоева. Москва : ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2014. 119 с.
2. Куценко С.М. Современный взгляд на институт досудебного соглашения о сотрудничестве / С.М. Куценко // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2019. № 2 (22). С. 14–17.
3. Титова К.А. Актуальные проблемы досудебного соглашения о сотрудничестве / К.А. Титова, Т.В. Топчиева // Общество и право. 2018. № 4 (66). С. 75–79.
4. Эдилова П.В. Соглашение о сотрудничестве с обвиняемым в уголовном процессе : диссертация кандидата юридических наук / П.В. Эдилова. Москва, 2017. 245 с.

НОВОСТИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Верховным Судом РФ определены правовые позиции в целях обеспечения единообразных подходов к разрешению споров об исполнении требований исполнительных документов банками

В обзоре отражены следующие правовые позиции, в том числе:

- банк вправе принять к исполнению исполнительный документ в форме электронного документа, подписанный электронной подписью, только после проверки действительности такой подписи в порядке, предусмотренном действующим законодательством;
- незамедлительное исполнение требований исполнительного документа означает, что такое исполнение должно быть начато не позднее первого рабочего дня после дня поступления исполнительного документа в банк;
- отказ банка исполнить исполнительный документ по причине прекращения договора банковского счета с должником может являться основанием для взыскания с банка убытков, если на момент такого отказа банковский счет должника не закрыт;
- судебный приказ подлежит возвращению банком взыскателю при поступлении в банк сведений о его отмене.

Кроме того, даны разъяснения по вопросам, возникающим в судебной практике.

См.: «Обзор судебной практики разрешения судами споров, связанных с принудительным исполнением требований исполнительных документов банками и иными кредитными организациями» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16.06.2021)

Проблемные вопросы участия потерпевшего юридического лица и его представителя в отечественном уголовном судопроизводстве

Клоков Сергей Николаевич,

доцент кафедры правового обеспечения экономической и инновационной деятельности Института экономики и предпринимательства Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского, кандидат юридических наук, доцент
 sernik_1971@mail.ru

Ягунова Екатерина Евгеньевна,

доцент кафедры правового обеспечения экономической и инновационной деятельности Института экономики и предпринимательства Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского, кандидат юридических наук
 yagunovakatya@mail.ru

В статье рассматриваются проблемные вопросы участия потерпевшего юридического лица и его представителя в отечественном уголовном судопроизводстве. Исследовав законодательные пробелы в этой области, авторы вносят конкретные предложения по изменению законодательства в части регламентации института уголовно-процессуального представительства.

Ключевые слова: юридическое лицо, потерпевший, представитель потерпевшего, функция стороны обвинения, прекращение уголовного преследования, материальные права потерпевшего.

Problematic Issues of Participation of an Aggrieved Legal Entity and Its Representative in the Russian Criminal Court Procedure

Klokov Sergey N.

Associate Professor of the Department of Legal Regulation of Economic and Innovative Activity of the Institute of Economics and Entrepreneurship of the National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
 PhD (Law), Associate Professor

Yagunova Ekaterina E.

Associate Professor of the Department of Legal Regulation of Economic and Innovative Activity of the Institute of Economics and Entrepreneurship of the National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
 PhD (Law)

The article deals with the problematic issues of the participation of the injured legal entity and its representative in the domestic criminal proceedings. Having examined the legislative gaps in this area, the authors make specific proposals for changing the legislation in terms of regulating the institution of criminal procedure representation.

Keywords: legal entity, victim, victim's representative, function of the prosecution, termination of criminal prosecution, material rights of the victim.

Как известно, действующая редакция ч. 1 ст. 42 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) положила конец многочисленным доктринальным спорам о том, можно ли признавать в рамках уголовно-процессуальных отношений юридическое лицо в качестве полноценного потерпевшего или нет. Указанные споры были обусловлены тем, что ст. 53 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1960 г. в силу специфики

экономико-политического построения СССР вообще не рассматривала юридическое лицо в качестве потерпевшего¹.

Более того, Верховный Суд СССР в 1985 г. вообще исключил право юридического лица быть потерпевшим по уголовному

¹ Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 27 октября 1960 г. (ред. от 29.01.1999). URL: <https://zakonbase.ru/content/base/32223> (дата обращения: 20.03.2021).

делу, отдавая ему лишь роль гражданского лица, даже если он претерпел материальные убытки в результате совершенного в отношении него преступления². Да и после принятия в 2001 г. нового УПК РФ ряд авторов подвергали сомнению целесообразность привлечения юридического лица в качестве потерпевшего по уголовному делу, мотивируя свою позицию трудностями реализации некоторых положений УПК РФ³.

Сейчас для всех ученых-процессуалистов очевидно, что юридическое лицо может участвовать в уголовно-процессуальных отношениях в качестве потерпевшего, если его имуществу или деловой репутации причинен вред. В этом случае субъект, осуществляющий расследование, незамедлительно после возбуждения уголовного дела обязан вынести соответствующее постановление о признании потерпевшим, после чего пострадавшее юридическое лицо наделяется всем комплексом прав и обязанностей, присущих потерпевшему, в том числе участвовать в уголовном преследовании подозреваемого, обвиняемого путем предоставления доказательств (ч. 3 и 5 ст. 42, ст. 22 и ч. 2 ст. 86 УПК РФ).

При этом мы согласны с точкой зрения о том, что предусмотренный ч. 1 ст. 42 УПК РФ бланк признания юридического лица потерпевшим должен существенно отличаться от аналогичного бланка признания потерпевшим физического лица, так как в нем обязательно должны найти отражение сведения, содержащиеся в выписке из ЕГРЮЛ⁴.

В научной литературе нами было обнаружено упоминание о некоторых ошибках, допускаемых органами предварительного расследования в силу их неправильного представления о природе и сущности юридического лица в качестве потерпевшего⁵:

— признавалось потерпевшим не юридическое лицо, а его учредитель либо руководитель постоянно действующего коллегиального исполнительного органа (дирекции), которым было написано заявление о возбуждении уголовного дела по факту совершенного преступления, предусмотренного главой 23 Уголовного кодекса Российской Федерации;

— одно юридическое лицо неоднократно признавалось потерпевшим по одному и тому же уголовному делу в силу изменения личности его представителя.

В приведенных примерах налицо подмена одного участника уголовного судопроизводства (потерпевшее юридическое лицо) другим (представитель юридического лица — потерпевшего). Указанные ошибки объясняются тем, что институт представительства потерпевших юридических лиц в отечественном уголовном процессе, по нашему мнению, до сих пор развит слабо, хотя еще в 2008 г. на уровне диссертационного исследования было высказано предложение о введении в УПК РФ новой ст. 45.1 «Представители потерпевшего, являющегося юридическим лицом»⁶.

Так, в ч. 1 и 3 ст. 45 УПК РФ говорится о том, что представителем потерпевшего юридического лица может быть либо адвокат, либо иное лицо, о допуске которого оно ходатайствует, имеющее те же процессуальные права, что и представляемый потерпевший. Однако в ч. 9 ст. 42 УПК РФ уточняется, что реализовать свои основные права юридическое лицо может исключительно через своего представителя, тем самым закрепляя процессуальную самостоятельность юридического лица, нуждающегося, таким образом, в обязательном представительстве.

В отечественной уголовно-процессуальной доктрине традиционно выделяют два вида представительства — законное, т.е. легитимное в силу положений нормативных актов или учредительных документов, наделяющих лицо правом представлять интересы организации в силу его должностного положения (такowymi, например, в силу п. 1 ст. 53 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) следует считать органы юридического лица, полномочия которых подтверждаются учредительными документами или доку-

² Пункт 2 Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 1 ноября 1985 г. № 16 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» // СПС «Гарант».

³ Кондратьев Е.Е. Новый УПК: защита свидетелей, потерпевших и других участников уголовного процесса // Государство и право. 2003. № 8.

⁴ Мисник И.В. Участие потерпевших юридических лиц в уголовном судопроизводстве // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2016. № 4 (34). С. 40–43.

⁵ Рогов Н.С. Участие юридического лица в уголовном процессе в качестве потерпевшего // Евразийская адвокатура. Международный научно-практический журнал. 2016. № 4 (23). С. 50–53.

⁶ Ширяева Т.И. Юридическое лицо как потерпевший и особенности его участия в уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2008. С. 8–9.

ментами, удостоверяющими их служебное положение), и договорное, т.е. представительство по соглашению, осуществляемое адвокатом либо работником юридической службы, действующим на основании выданной ему доверенности⁷.

Форма и содержание доверенности, позволяющей представителю (юристу, сотруднику юридической службы организации) представлять интересы юридического лица перед третьими лицами, регламентированы п. 1 ст. 185 ГК РФ, причем традиционно выделяют доверенности, выдаваемые для осуществления представительских функций по конкретному уголовному делу (так называемые разовые доверенности), и генеральные доверенности, позволяющие представителю осуществлять свою деятельность в интересах потерпевшего — юридического лица в определенный период времени по неограниченному кругу дел во взаимодействии с различными органами предварительного расследования, прокурором и судом.

В этой связи считаем необходимым дополнить ч. 1 ст. 45 УПК РФ разъяснением, что представителем юридического лица — потерпевшего может быть лицо, правомочное в соответствии с нормами ГК РФ представлять его интересы (как это сделано применительно к представителю гражданского истца, являющегося юридическим лицом).

Освещая иные проблемные вопросы участия представителя потерпевшего юридического лица в отечественном уголовном судопроизводстве, следует сказать следующее. Статья 45 УПК РФ не содержит норму, регламентирующую процедуру введения в уголовное дело представителя потерпевшего — юридического лица, а в ст. 72 УПК РФ не указаны основания, позволяющие следователю принять мотивированное решение об отводе указанного представителя. Довод о том, что в ст. 72 УПК РФ есть общая норма об отводе представителя потерпевшего, для нас не убедителен, так как, по нашему мнению, в настоящий момент в рамках норм действующего УПК РФ в основном регламентированы представительские функции, связанные с родственными отношениями (ч. 8 ст. 42, ч. 2.2 ст. 45 УПК РФ). В связи с этим мы считаем возможным внести изменение в ныне действующую редакцию ст. 72 УПК РФ,

добавив в нее норму о возможности исключения из участия в производстве по уголовному делу представителя, действующего вопреки интересам представляемого им юридического лица.

Далее, действующая редакция ст. 74 УПК РФ не предусматривает в качестве самостоятельного источника доказательства показания представителя потерпевшего юридического лица. При этом, как было сказано чуть ранее, ч. 9 ст. 42 УПК РФ исключает «автономное» участие в уголовном судопроизводстве пострадавшего юридического лица без его представителя. При этом для нас непонятно, а как органы предварительного расследования установят характер и размер материального вреда имуществу или вреда деловой репутации, причиненного юридическому лицу, если показания его представителя в ст. 78 УПК РФ не предусмотрены?

Вместе с тем специфика подобных показаний налицо, что и позволяет нам утверждать о необходимости внесения в ст. 78 УПК РФ соответствующих дополнений в части разграничения показаний потерпевшего и показаний представителя потерпевшего — юридического лица с введением специальных требований к форме бланка допроса представителя потерпевшего юридического лица⁸.

Еще одной существенной законодательной недоработкой, по нашему мнению, является отсутствие в УПК РФ четко проработанного механизма введения конкретного физического лица, признаваемого законным представителем потерпевшего юридического лица.

Мы предлагаем очевидный и, как нам кажется, самый простой способ законодательного урегулирования данного пробела — введение в ч. 9 ст. 42 УПК РФ упоминания о том, что «в случае признания потерпевшим юридического лица его права осуществляет представитель, о чем следователь, дознаватель, суд выносит соответствующее постановление. После вынесения указанного постановления лицо, в нем указанное, должно быть допрошено в качестве представителя потерпевшего — юридического лица по правилам ст. 78 УПК РФ».

Еще одной проблемой реализации прав потерпевшего юридического лица на стадии предварительного расследования,

⁷ Рыжаков А.П. Представители потерпевшего, гражданского истца, частного обвинителя: научно-практическое руководство. М., 2007. С. 41.

⁸ Чаплыгина В.Н. Институт представительства на стадии предварительного расследования: учебное пособие. Орел, 2013. С. 33–34.

по нашему мнению, является процедура прекращения производства по уголовному делу. Это связано с тем, что буквальное толкование ч. 9 ст. 42 УПК РФ может привести к ошибочному выводу о том, что объем прав, которыми обладает юридическое лицо — потерпевший в рамках уголовного дела, совпадает с правами, которыми наделен его представитель. Однако, как мы покажем дальше, это не совсем правильный вывод.

Так, вполне очевидно, что в зависимости от предмета распоряжения все права потерпевшего от преступления юридического лица на досудебных стадиях уголовного судопроизводства можно разделить на два блока — материальные и процессуальные. Процессуальными правами юридического лица — потерпевшего следует считать его правомочия, прямо закрепленные в нормах статей УПК РФ. Что же касается материальных прав юридического лица в качестве потерпевшего, то к таковым, по нашему мнению, следует отнести правомочия, связанные с принятием ряда решений, предопределяющих дальнейшее движение по уголовному делу, а именно:

- о прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон и деятельным раскаянием (ст. 25 и 28 УПК РФ);

- согласии (либо несогласии) с проведением предварительного расследования в форме сокращенного дознания (п. 6 ч. 1 ст. 226.2 УПК РФ);

- сформулированном согласии (либо возражении) с ходатайством обвиняемого о проведении в отношении него особого порядка судебного разбирательства по правилам главы 40 УПК РФ (ч. 1 ст. 314, ч. 4 ст. 219 УПК РФ);

- об отказе от предъявленного ранее гражданского иска (п. 11 ч. 4 ст. 44 УПК РФ).

По нашему мнению, указанные материальные права потерпевшего юридического лица не следует «автоматически» распространять на его законного представителя, особенно если речь идет о представительстве «по договору». Подтверждением нашей правоты следует считать ч. 3 ст. 45 УПК РФ, в которой говорится о равенстве исключительно процессуальных прав представителя и представляемого им потерпевшего. В связи с этим мы считаем необходимым дополнить указанную статью новой частью, в которой должно быть отражено два момента.

Во-первых, зафиксировать разрешительный порядок дачи согласия представителем юридического лица на прекра-

щение уголовного дела либо уголовного преследования, если таковое требуется, отказа от заявленного гражданского иска, разрешения на производство дознания в его сокращенной форме либо на упрощенную процедуру судебного производства в порядке главы 40 УПК РФ.

Во-вторых, отразить, что реализация указанных прав представителем потерпевшего юридического лица будет считаться законной только после документального подтверждения наделения его данными правомочиями.

Что касается последнего обстоятельства, то способ указанного документального подтверждения соответствующих прав зависит от того, кто является представителем потерпевшего юридического лица. Если идет речь о «договорном» представительстве, то указанные уголовно-процессуальные правомочия должны быть зафиксированы в тексте доверенности, выданной юридическим лицом в установленном порядке. Если представительские функции реализует адвокат, то он, по нашему мнению, обязан представить следователю (дознавателю) заверенное печатью юридического лица заявление, в котором будет отражено мнение этого юридического лица по исследуемым нами вопросам, определяющим дальнейшее движение по уголовному делу. И только в случае представительства «по закону» лицо, наделенное вещными правами пользоваться, владеть и распоряжаться имуществом юридического лица, может в полной мере реализовать свои процессуальные и материальные права потерпевшего при условии представления им учредительных документов, подтверждающих его полномочия выступать от имени юридического лица.

Мы убеждены, что следователь (дознаватель), реализуя право обвиняемого по окончании ознакомления с материалами уголовного дела заявить ходатайство в особом порядке, предусмотренном главой 40 УПК РФ (п. 2 ч. 5 ст. 217 УПК РФ), должен об этом уголовно-процессуальном факте уведомить как потерпевшего, так и его представителя. Это необходимо сделать для того, чтобы указанный представитель заранее согласовал свою позицию по этому вопросу с самим юридическим лицом до назначения судебного заседания. С целью реализации нашего предложения должны быть внесены соответствующие законодательные изменения в ч. 4 ст. 219 УПК РФ.

Далее, ч. 4 ст. 227 УПК РФ содержит перечень участников уголовного судопро-

изводства, которым судья обязан направить итоговое постановление, вынесенное на стадии подготовки дела к судебному заседанию: это прокурор, обвиняемый и потерпевший. Системное толкование комментируемой нами нормы с предписаниями ч. 9 ст. 42 УПК РФ приводит нас к единственно верному выводу — в указанный перечень необходимо добавлять представителя потерпевшего юридического лица.

В заключение нашего небольшого исследования мы посчитали необходимым ответить на вопрос: с какого момента юридическое лицо, признанное по уголовному делу потерпевшим, терпит право на участие в уголовно-процессуальных отношениях в этом статусе?

Так, согласно п. 1 ст. 61 ГК РФ ликвидация юридического лица исключает какое-либо универсальное правопреемство, т.е. влечет полное прекращение его прав и обязанностей перед другими лицами. Отсюда следует вывод: при ликвидации юридического лица, в отличие, например, от смерти физического лица (ч. 8 ст. 42 УПК РФ), процессуальное правопреемство невозможно. Исходя из этого, следователь (дознатель), получив выписку из ЕГРЮЛ о ликвидации данного лица, должен вынести постановление о прекращении участия ликвидированного юридического лица в качестве потерпевшего. В случае если произошла реорганизация юридического лица, то для нас вполне очевидно, что права потер-

певшего по смыслу Закона должны перейти к тому юридическому лицу, которое было образовано в результате реорганизации.

Гораздо сложнее обстоит дело с юридическим лицом, находящимся в стадии наблюдения и финансового оздоровления. Из анализа содержания ст. 94 и 126 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»⁹ можно прийти к выводу, что руководитель юридического лица — должника и его органы управления обязаны продолжить осуществлять свои полномочия, в том числе в рамках уголовно-процессуальных отношений, до стадии внешнего управления или конкурсного производства, после чего их дальнейшее участие в производстве по уголовному делу переходит к внешнему или конкурсному управляющему.

Таким образом, в рамках проведенного нами исследования мы остановились лишь на небольшой группе проблемных моментов участия потерпевшего юридического лица и его представителя в отечественном уголовном судопроизводстве. Безусловно, поднятые нами вопросы требуют серьезного доктринального осмысления, поэтому авторы будут рады всем поступившим в наш адрес критическим замечаниям.

⁹ Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (ред. от 20.04.2021). URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/18779> (дата обращения: 25.03.2021).

Литература

1. Кондратьев Е.Е. Новый УПК: защита свидетелей, потерпевших и других участников уголовного процесса / Е.Е. Кондратьев // Государство и право. 2003 № 8. С. 48–53.
2. Мисник И.В. Участие потерпевших юридических лиц в уголовном судопроизводстве / И.В. Мисник // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2016. № 4 (34). С. 40–43.
3. Невзгодина Е.Л. Институт представительства в отечественном гражданском праве / Е.Л. Невзгодина // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2019. Т. 16. № 1. С. 67–78.
4. Рогов Н.С. Участие юридического лица в уголовном процессе в качестве потерпевшего / Н.С. Рогов // Евразийская адвокатура. Международный научно-практический журнал. 2016. № 4 (23). С. 50–53.
5. Рыжаков А.П. Представители потерпевшего, гражданского истца, частного обвинителя : научно-практическое руководство / А.П. Рыжаков. Москва : Экзамен, 2007. 319 с.
6. Токар Е.Я. Представительство в сфере предпринимательской деятельности: проблемы законодательного регулирования и правоприменения : диссертация доктора юридических наук / Е.Я. Токар. Москва, 2018. 511 с.
7. Чаплыгина В.Н. Институт представительства на стадии предварительного расследования : учебное пособие / В.Н. Чаплыгина. Орел : ОрЮИ МВД России им. В.В. Лукьянова, 2013. 80 с.
8. Ширяева Т.И. Юридическое лицо как потерпевший и особенности его участия в уголовном судопроизводстве : автореферат диссертации кандидата юридических наук / Т.И. Ширяева. Волгоград, 2008. 26 с.

DOI: 10.18572/1812-3791-2021-7-28-32

Обратная сила актов конституционного контроля (на примере пересмотра судебных постановлений по новым обстоятельствам)

Филимонова Маргарита Владимировна,
доцент кафедры гражданского процесса
Саратовской государственной юридической академии (СГЮА),
кандидат юридических наук
margarita188@yandex.ru

В статье рассматриваются некоторые аспекты пересмотра судебных актов по новым обстоятельствам. С позиции толкования гражданских процессуальных норм исследуется сущность и правовая природа Постановления Конституционного Суда РФ как основания пересмотра судебных актов, вступивших в законную силу.

Ключевые слова: гражданское судопроизводство, суд, постановление суда, пересмотр по новым обстоятельствам.

Retroaction of the Constitutional Control Deeds (on the Example of Revision of Court Rulings Due to New Circumstances)

Filimonova Margarita V.
Associate Professor of the Department of Civil Procedure of the Saratov State Law Academy (SSLA)
PhD (Law)

The article discusses some aspects of the revision of judicial acts under new circumstances. From the point of view of the interpretation of civil procedural norms, the essence and legal nature of the Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation as the basis for the revision of judicial acts that have entered into legal force is investigated.

Keywords: civil proceedings, court, court order, review under new circumstances.

Постановления Конституционного Суда Российской Федерации (далее — Конституционный Суд РФ) и их юридическое значение, правовые последствия были и есть предметом исследования в правовой доктрине. Конституционной контроль призван «стоять на страже» законности, исключая нормы позитивного права, противоречащие Основному закону государства — Конституции Российской Федерации (далее — Конституция РФ), из правового поля.

Одним из бесспорных постулатов является то, что с момента признания нормы, противоречащей Конституции РФ, она не может применяться в дальнейшем¹.

¹ См. подр.: Филимонова М.В. Постановление Конституционного суда или нормы гражданского процессуального законодательства: чем руководствоваться судам общей юрисдикции // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2015. № 1 (3). С. 79–87.

Также следует отметить, что если в результате рассмотрения жалобы Конституционный Суд РФ признает ее не противоречащей Конституции РФ, а неконституционный смысл ее — это результат толкования в процессе применения в конкретном деле, орган конституционного контроля, не устраняя саму норму, «восстанавливает ее конституционно-правовую интерпретацию»².

В этой связи не вызывает критических замечаний тот факт, что с момента признания в постановлении Конституционного Суда РФ положений закона или законов противоречащими Конституции РФ они утрачивают свою силу, не требуя каких-либо дополнительных этому подтверждений.

Сложнее ситуация при решении вопроса о том, распространяет ли

² Колоколов Я.Н. Аутентичное толкование норм права: поиск новых парадигм: монография. М.: Юрлитинформ, 2010. С. 71.

постановление Конституционного Суда РФ свою силу на правоотношения, возникшие до его провозглашения, и если распространяют, то на какие и в отношении каких субъектов.

Формулировка законодательных предписаний, действовавших ранее, долгое время «не проливала свет» на правоотношения, которые были рассмотрены и разрешены на основании данной нормы. Как быть с такими судебными постановлениями, которые уже вступили в законную силу и даже были исполнены, законодательство не содержало ответ на этот вопрос долгое время. Все это неоднократно являлось предметом рассмотрения в Конституционном Суде РФ.

Даже несмотря на то что уже задолго до изменения законодательства по вопросам пересмотра вступивших в законную силу судебных актов был разъяснен смысл нормативных предписаний, вопросы обратной силы актов конституционного контроля до настоящего времени остаются одними из актуальных. И причиной этому в том числе является несовершенство законодательства, регламентирующего решение этого вопроса, а также отсутствие единства толкования данных норм и, как следствие, разнородность практического их применения.

Прежде всего, считаем необходимым определить круг субъектов, правомочных подать заявление на пересмотр судебного акта в соответствии с п. 3 ч. 4 ст. 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее — ГПК РФ). Вопрос не праздный, поскольку указанная процессуальная норма полностью не раскрывает смысл неоднократно высказанной позиции Конституционного Суда РФ по этому вопросу, а также в какой-то степени входит в конфликт с нормами ст. 79, 100 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»³ (далее — Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации»).

В 2010 г. в том числе нормы гражданского процессуального законодательства были дополнены новым процессуальным институтом. Результатом таких нововведений стала возможность пересмотра судебных актов, вступивших в законную силу по новым обстоятельствам, одним из которых в соответствии с ч. 4 ст. 392 ГПК РФ является признание Конституционным Судом РФ не соответствующим Конституции РФ закона, примененного в конкретном деле заявителя⁴.

С момента начала действия вышеозначенных норм остро обозначились проблемы, связанные с определением обратной силы постановлений Конституционного Суда РФ.

Пункт 3 ч. 4 ст. 392 ГПК РФ гласит, что вступившее в законную силу судебное постановление может быть пересмотрено в случае признания Конституционным Судом РФ не соответствующим Конституции Российской Федерации закона, примененного в конкретном деле, в связи с принятием решения по которому заявитель обращался в Конституционный Суд РФ.

Такое законоположение объективно обусловило возможность включить в пределы законной силы постановления Конституционного Суда РФ правоотношения, возникшие и разрешенные до признания нормы, противоречащей Конституции РФ. Вместе с тем эта возможность породила необходимость определения границ обратной силы постановлений органа конституционного контроля.

Исходя из буквального толкования данной правовой конструкции, проверка законности судебного акта по новому обстоятельству, закрепленному в п. 3 ч. 4 ст. 392 ГПК РФ, возможна только для граждан или организаций, осуществивших свое право на обращение в Конституционный Суд РФ с просьбой о проверке закона, примененного в его деле, на соответствии его Конституции РФ. При этом следует отметить, что по результатам такого обращения Конституционный Суд РФ согласился с заявителем и признал закон, примененный

³ Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» // СЗ РФ. 1994. № 13. Ст. 1447.

⁴ Федеральный закон от 9 декабря 2010 г. № 353-ФЗ «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2010. № 50. Ст. 6611.

в его деле, противоречащем Основному закону Российской Федерации.

Означает ли это, что другие субъекты, оказавшиеся в аналогичной правовой ситуации, не смогут пересмотреть судебные постановления по указанной норме ст. 392 ГПК РФ в силу того, что они не обращались в Конституционный Суд, — вопрос открытый. Следуя букве закона такие граждане и организации такого права лишены.

Как вариант выхода из сложившейся ситуации можно предположить возможность их обращения в Конституционный Суд РФ с такой же просьбой. Но правовые предписания, регламентирующие деятельность Конституционного Суда РФ, не допускают возможности повторного рассмотрения тождественного требования, тем более когда результатом такого рассмотрения явилось признание закона противоречащим Конституции РФ. Данное положение означает, что Конституционный Суд РФ откажет заявителю в рассмотрении его просьбы, вынесет об этом определение, что не позволит субъекту пересмотреть свое дело по новым обстоятельствам.

Анализ определений Конституционного Суда РФ, провозглашенных до вступления в силу законодательных изменений, позволяет прийти к выводу о том, что субъектный состав лиц, наделенных правом на пересмотр судебного акта, значительно шире предложенного в норме п. 3 ч. 4 ст. 392 ГПК РФ.

Так, в мае 2006 г. Конституционный Суд РФ уже в который раз обращал внимание на решения Конституционного Суда РФ. В частности, было указано, что они могут служить основанием для пересмотра судебных актов по вновь открывшимся обстоятельствам в отношении тех, кто не обращался с заявлением по делам, рассматривавшимся в Конституционном Суде РФ. Однако такое право может быть осуществлено только в тех случаях, когда судебный акт, являющийся объектом пересмотра, не вступил в законную силу либо вступил, но не исполнен полностью или частично⁵.

Трудно найти серьезные доводы, оправдывающие возможность пересмотра судебного акта, не вступившего в законную силу, в ином порядке, кроме апелляционного.

Границы действия постановлений Конституционного Суда РФ законодательно установлены.

Статья 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» регламентирует невозможность применения нормативных актов или их отдельных положений с момента вступления в законную силу соответствующего постановления о признании их противоречащими Конституции РФ.

Обращаем внимание, что исполнительные процедуры, осуществляемые органами принудительного исполнения, невозможны в силу прямого указания действующего законодательства. Такое императивное положение относится только к тем актам судов и иных органов, вынесенным на основе норм позитивного права, признанных постановлением Конституционного Суда РФ неконституционными, и провозглашенным в отношении лиц, не обратившихся с жалобой в Конституционный Суд РФ.

Толкование указанных нормативных предписаний неотвратно позволяет составить представление о том, что такие судебные акты подлежат пересмотру, если они не исполнены на момент вынесения постановления органом конституционного правосудия. Однако буквальное толкование норм ст. 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» не позволяет сделать такой однозначный вывод. Это объясняется тем, что нормы указанной статьи содержат исчерпывающий перечень случаев, когда судебные акты, основанные на неконституционных законах, должны быть пересмотрены. Небезынтересной в этой связи является норма ч. 5 ст. 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», к которой корреспондирует

⁵ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 12 мая 2006 г. № 135-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Курамшина Рустама Рахимджановича на нарушение его конституционных прав статьей 387 и частью второй статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «Гарант».

вича на нарушение его конституционных прав статьей 387 и частью второй статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «Гарант».

ст. 79 как к одному из оснований пересмотра. В частности, в ней указано, что если жалоба была подана в Конституционный Суд РФ, но не была принята к рассмотрению либо была принята, но дело не было соединено с тем, по которому вынесено соответствующее постановление⁶, орган конституционного контроля, отказывая в принятии жалобы или прекращая производство, может указать, что конкретное дело такого лица подлежит пересмотру. И самое главное — гипотеза анализируемой нормы гласит, что это возможно только тогда, когда такая тождественная жалоба была подана в Конституционный Суд РФ до принятия им к рассмотрению жалобы, по которой было вынесено соответствующее постановление.

По нашему мнению, разрешения требуют два вопроса: во-первых, означает ли, что иные субъекты, обратившиеся с жалобой о признании закона противоречащим Конституции РФ после подачи жалобы, по которой вынесено постановление Конституционного Суда РФ, не смогут пересмотреть постановления, вынесенные по их делу; и, во-вторых, как можно отказать в принятии жалобы в связи с тем, что по такому же предмету обращения Конституционного Суда РФ уже было вынесено постановление (п. 3 ч. 1 ст. 43 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»), если ст. 100 данного конституционного закона регламентирует возможность пересмотра жалоб, поданных именно до принятия жалобы, по которой вынесено это постановление. По всем временным параметрам невозможно отказать, ссылаясь на то, что в будущем по жалобе кого-то будет вынесено постановление, на основании которого лицо сможет пересмотреть свое дело.

Также представляется довольно спорным тезис об условиях реализации своего права на пересмотр для лица, не обратившегося к конституционному правосудию. Вызывает критические замечания наличие гипотезы о том, что остальные субъекты обладают неабсо-

лютным правом на пересмотр по новым обстоятельствам.

Как это соотносится с основополагающими принципами справедливости и равенства, доступом к судебной защите — вопрос не праздный, требующий глубокой проработки и осмысления.

По смыслу правовых последствий признания нормы противоречащей Конституции РФ не вызывает сомнений, что изначально таковая вступила в действие, нарушая смысл Основного закона государства. Данный тезис означает не только то, что такой закон не может применяться после вступления в силу постановления Конституционного Суда РФ о признании ее противоречащей Конституции РФ, но также и то, что он не мог изначально быть применен и что необходимо «исправить» все ситуации, связанные с применением таких законодательных предписаний, ранее.

Справедливо утверждение Г.А. Жилина о том, что обратная сила правовых позиций Конституционного Суда РФ распространяется лишь на судебные постановления с участием лиц, обратившихся за защитой прав в соответствующие суды. Целесообразно еще раз подчеркнуть позицию автора о том, что законодатель явно придает большее значение герменевтике Верховного Суда Российской Федерации (далее — Верховный Суд РФ), поскольку не предусматривает ограничения прав для субъектов относительно их обратной силы⁷.

Неоднозначность практической реализации анализируемого вопроса иллюстрирует дело, связанное со сроками предъявления исполнительного листа ко взысканию. Судебное решение арбитражного суда, отмененное в апелляционном порядке, с которым согласилась кассационная инстанция, стал предметом рассмотрения судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ. Коллегия пояснила, что Постановление Конституционного Суда РФ от 10 марта 2016 г. № 7-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 21, части 2 статьи 22

⁶ Речь идет о тождественных жалобах, по одной из которых было принято постановление Конституционного Суда РФ.

⁷ Жилин Г.А. К вопросу о правовой природе пересмотра судебных постановлений по вновь открывшимся или новым обстоятельствам // Закон. 2014. № 7. С. 104–114.

и части 4 ст. 46 Федерального закона „Об исполнительном производстве“ в связи с жалобой гражданина М.Л. Ростовцева» (далее — Постановление Конституционного Суда РФ № 7-П) не имеет обратной силы, что означает невозможность применения его положений к отношениям, возникшим в 2018 г., несмотря на то что нормы Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (далее — Федеральный закон «Об исполнительном производстве»), применяемые в данном деле, были признаны противоречащими Конституции РФ. В частности, Верховный Суд РФ указал, что данное постановление должно применяться только с момента его провозглашения, поскольку прямого придания обратной силы ему не содержится в тексте акта конституционного контроля⁸.

Однако трудно согласиться с мнением Верховного Суда РФ о том, что Конституционный Суд РФ в своем Постановлении № 7-П распространил толкование норм ст. 21, 22 Федерального закона «Об исполнительном производстве» только на правоотношения, которые возникнут после провозглашения анализируемого постановления. В частности, орган конституционного контроля в п. 3 резолютивной части указал, что, принимая исполнительные листы и решая вопрос о возбуждении исполнительного производства, судебному приставу-исполнителю следует обращать внимание на то, предъявлялся ли ранее документ к исполнению и не был ли он отозван по инициативе взыскателя. Далее следует указание, что в таких случаях при исчислении срока на предъявление документа к исполнению

следует «вычитать из установленной законом общей продолжительности срока предъявления исполнительных документов к исполнению периоды, в течение которых исполнительное производство по данному исполнительному документу осуществлялось, начиная с его возбуждения и заканчивая его окончанием в связи с возвращением взыскателю исполнительного документа по его заявлению»⁹.

Отсутствие четкости в законодательных формулировках, единства толкования затрудняют лицам осуществление своих прав по пересмотру судебных постановлений, вынесенных на основании норм закона, признанных противоречащими Конституции РФ.

Несомненно, данный вопрос невозможно исследовать всесторонне в рамках настоящей статьи. Данная тема требует более тщательной проработки с позиции оценки нарушения или отсутствия таких основополагающих прав и свобод человека через призму права на судебную защиту.

Требуется тщательный анализ норм ГПК РФ и Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде РФ» в их системном герменевтическом единстве, через призму изучения судебной практики.

И тем не менее полагаем, что норма п. 3 ч. 4 ст. 392 ГПК РФ может быть интерпретирована следующим образом: «...признание Конституционным Судом РФ не соответствующим Конституции Российской Федерации закона, примененного в конкретном деле».

⁹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 10 марта 2016 г. № 7-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 21, части 2 статьи 22 и части 4 ст. 46 Федерального закона „Об исполнительном производстве“ в связи с жалобой гражданина М.Л. Ростовцева» // СПС «Гарант».

⁸ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 8 октября 2020 г. № 306-ЭС20-4279 // СПС «Гарант».

Литература

1. Жилин Г.А. К вопросу о правовой природе пересмотра судебных постановлений по вновь открывшимся или новым обстоятельствам / Г.А. Жилин // Закон. 2014. № 7. С. 104–114.
2. Колоколов Я.Н. Аутентичное толкование норм права: поиск новых парадигм : монография / Я.Н. Колоколов. Москва : Юрлитинформ, 2010. 372 с.
3. Филимонова М.В. Постановление Конституционного суда или нормы гражданского процессуального законодательства: чем руководствоваться судам общей юрисдикции / М.В. Филимонова // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2015. № 1 (3). С. 79–87.

Меры судоустройственного характера как один из способов преодоления длительного судопроизводства

Белякова Анна Владимировна,

старший научный сотрудник лаборатории правового мониторинга и социологии права
Института законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации,
кандидат юридических наук
belyakova.av@gmail.com

В статье анализируется ряд отдельных причин, приводящих к длительному судопроизводству в национальных судебных органах. Приводится и анализируется значение развития отдельных мер судоустройственного характера, которые могут способствовать сокращению разумных сроков судопроизводства. Приводится анализ развития не только практических мер, но и доктринальных положений, таких как концептуальное развитие законодательства.

Ключевые слова: судоустройство, судопроизводство, разумный срок судопроизводства, длительное судопроизводство, судебное право.

Measures of Court Arrangement Nature as One of the Ways to Overcome Long Court Proceedings

Belyakova Anna V.

Senior Research Scientist of the Laboratory of Legal Monitoring and Sociology of Law of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation
PhD (Law)

The article analyzes a number of individual reasons that lead to lengthy proceedings in national courts. The article presents and analyzes the significance of the development of certain measures of a judicial nature that can help to reduce the reasonable time of legal proceedings. The article analyzes the development of not only practical measures, but also doctrinal provisions, such as the conceptual development of legislation.

Keywords: judicial system, legal proceedings, reasonable term of legal proceedings, long-term legal proceedings, judicial law.

Реализация целей правосудия в национальных судах возможна только при соблюдении баланса в развитии правовых механизмов как судоустройственного, так и судопроизводственного характера.

Помимо восстановления нарушенных прав, свобод и законных интересов особую роль играет период судебного разбирательства, а также фактическое неисполнение судебного акта. Между тем особое значение в настоящее время приобретает осуществление судопроизводства в установленные законом или судом сроки, так как затяжное судебное разбирательство в национальных судах порождает не только правовую неопределенность для заинтересованных лиц, но и приводит к фактической невозможности исполнения судебного акта. Существуют также и иные негативные правовые последствия длительных судебных тяжб

(например, удешевление или потеря ценности предмета спора, инфляционные колебания и т.п.).

В настоящее время «правосудие» — это не только процесс по ведению дела в суде, но и доступность судов и правосудия в целом, исполнимость судебных решений, восстановление нарушенных прав в установленные законом сроки. Иными словами, правосудие формируется из двух отраслей законодательства: процессуального и о судоустройстве, которое определяется как «деятельность суда о восстановление нарушенных прав, свобод и законных интересов».

Таким образом, при выработке механизмов по преодолению длительного (затяжного) судопроизводства необходимо учитывать всю совокупность имеющихся обстоятельств. При этом причины нарушения сроков судопроизводства различны,

они имеют как процессуальный, так и судоустройственный характер. Например, к судоустройственным причинам можно отнести:

— некачественное организационно-техническое оснащение судов, что в свете последних событий является наиболее актуальным¹;

— высокий уровень сменяемости кадрового состава суда в связи с незначительными материальными поощрениями;

— отсутствие системы поощрения за хорошие показатели сотрудников аппарата суда и судейского корпуса за соблюдение процессуальных сроков;

— значительный уровень загруженности судей в связи с большим количеством дел, находящихся в производстве, в отдельных регионах Российской Федерации;

— отсутствие полноценно функционирующей системы электронного документооборота, в частности, электронное правосудие в Российской Федерации находится в настоящее время только на этапе становления и развития.

Систематическое изменение процессуального законодательства, создание «новых» кодифицированных источников права, формирование дополнительных звеньев судов не решает большинства имеющихся проблем судопроизводства и судоустройства.

Примером может служить институт защиты права на судопроизводство в разумный срок и права на исполнение судебного акта в разумный срок. Автором в ранее проводимых исследованиях было установлено, что на длительность судопроизводства и затяжное исполнение судебных актов влияет совокупность причин, которые относятся как к судоустройству, так и судопроизводству.

Несмотря на развитие процессуального законодательства, проблема затяжного судопроизводства в Российской Федерации сохраняется.

Более подробно следует осветить некоторые из них. Например, одной из распространенных проблем современного российского правосудия является высокая сменяемость сотрудников аппарата суда.

Это также связано с низкой заработной платой сотрудников аппарата суда. Таким образом, эти две причины как в совокупности, так и по отдельности влияют на длительность судопроизводства.

Это также освещалось на IX Всероссийском съезде судей, где было отмечено, что «на протяжении многих лет остро стоит вопрос повышения уровня материального обеспечения работников аппаратов судов и системы Судебного департамента. Сменяемость кадрового состава в крупных регионах России составляет от 150 до 400% в год. Это усугубляется значительной служебной нагрузкой в условиях высоких требований к уровню образования и степени ответственности за выполняемую работу. Съезд обращает особое внимание на необходимость законодательного урегулирования правового положения работников аппаратов судов»².

Поэтому в настоящее время актуально совершенствование законодательства в данной области. Например, разработка дополнительной системы поощрений для сотрудников аппарата суда позволит повысить заинтересованность в своевременном рассмотрении и разрешении дел, а также уменьшить ротацию кадрового состава и привлечь высококвалифицированных специалистов.

Регламентация данного вида поощрения для сотрудников аппарата суда позволит усилить мотивацию к рассмотрению и разрешению дел в установленные законом сроки. А именно: внедрение поощрения за соблюдение процессуальных сроков (в том числе и материального за объем работы, выполненной за месяц, квартал, год) на законодательном уровне является в настоящее время актуальным.

Нельзя не отметить, что заработная плата сотрудников аппарата суда и судейского корпуса на всей территории Российской Федерации составляет примерно единообразную сетку, но при этом объемы выполняемой работы существенно различаются не только по регионам страны, но и по районам г. Москвы, Санкт-Петербурга и других крупных городов.

¹ См. подр.: Борисова Е.А. Новая кассация по гражданским делам: вопросы теории, истории, практики // Вестник гражданского процесса. 2019. № 5. С. 21–41.

² Постановление IX Всероссийского съезда судей от 8 декабря 2016 г. № 1 «Об основных итогах функционирования судебной системы Российской Федерации и приоритетных направлениях ее развития на современном этапе» // Вестник Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации. 2017. № 1.

В настоящее время в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации находится на рассмотрении законопроект № 102341-7 «О государственной судебной службе Российской Федерации», которым предлагается сотрудников аппаратов судов общей юрисдикции и арбитражных судов отнести к отдельному виду государственных служащих — «судебный служащий». При этом данным законопроектом не отражены вопросы формирования денежного довольствия сотрудников аппарата суда и какие-либо материальные поощрения за «высокую интенсивность труда». Фактически данным законопроектом предлагается ввести институт «судебных клерков» в Российской Федерации, о чем ранее отмечали некоторые ученые³.

«Судебные клерки» в США и других зарубежных государствах фактически осуществляют функцию «помощника судьи». Они подготавливают проекты судебных решений на основе судебных precedентов, для этого ими проводится анализ и подбор судебных актов по данной категории дел. Принципиальным отличием «судебных клерков», осуществляющих свою деятельность за рубежом, от деятельности «помощника судьи» в Российской Федерации является заработная плата и квалификация. Так как на аналогичную должность в США и иных государствах могут претендовать только лучшие выпускники юридических вузов либо профессиональные юристы, имеющие статус адвоката.

Озвучивание идеи по передаче ряда полномочий помощнику судьи о выносе решений, например по бесспорным делам, в настоящее время невозможно. Так как сотрудники аппарата суда должны обладать соответствующей квалификацией. А именно иметь не только высшее юридическое образование по очной форме обучения, но и обладать правовым мышлением, правосознанием, иметь не только профессиональный опыт, но и жизненный, который позволяет выносить справедливые судебные акты. Форми-

рование правового мышления и качественной теоретической базы происходит только в момент обучения на дневном отделении. Квалифицированный сотрудник аппарата суда также должен иметь не только длительный практический стаж, но и опыт ведения делопроизводства в суде, а также обладать теоретическими знаниями, основами теории и принципов права, иметь собственное правовое мышление и точку зрения, желание учиться и повышать собственную квалификацию.

При этом данный вопрос требует дополнительных исследований и не является предметом данного обсуждения, более подробно освещение данного аспекта в настоящей работе представляется нецелесообразным.

Необходимо, отметить, что следует развивать и повышать в Российской Федерации институт помощников судей и сотрудников аппарата суда, так как систематическая сменяемость кадров приводит к нарушению сроков судопроизводства. Потому что для каждого нового сотрудника необходимо проводить обучение и «введение в курс дела». Если же повысить заработную плату данной категории работников, то и сменяемость в данной отрасли будет ниже и позволит привлечь более квалифицированные кадры.

Другой острой проблемой современного судопроизводства и судоустройства, влияющей на продолжительность судебного разбирательства, является высокая загруженность судебного корпуса в отдельных регионах России.

Эта проблема также характерна и для мировых судей, так как количество исков и материалов зависит от территориального признака. Нельзя не отметить, что ежегодно количество поступающих дел и материалов как в суды общей юрисдикции, так и в арбитражные суды Российской Федерации увеличивается⁴.

Ранее уже отмечалось, что высокая степень загруженности судебной системы Российской Федерации напрямую влияет на сроки рассмотрения дел⁵. Уменьшение судебной нагрузки возможно только при

³ Момотов В. В. Судебная реформа 2018 года в Российской Федерации: концепция, цели, содержание // Журнал российского права. 2018. № 10. С. 134–146; 2019. № 12. С. 68–89; Матюшенков Р. Ю., Филатова М. А. Неразумная разумность, или Вынужденные убытки от правосудия (еще раз о возмещении судебных расходов на оплату услуг представителя) // Закон. 2019. № 12. С. 156–165.

⁴ См. подр.: Белякова А. В. Проблемы защиты права на судопроизводство в разумный срок в гражданском и арбитражном процессах в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018.

⁵ Там же.

разработке и применении совокупности судопроизводственных и судоустройственных мер, механизмов и способов. Поэтому выработка мер по преодолению высокой нагрузки на судебную систему сохраняет свою актуальность и в настоящее время.

Законодатель предпринимает меры по решению данного вопроса, так, на основании Федерального закона от 29 июля 2018 г. № 266-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с созданием кассационных судов общей юрисдикции и апелляционных судов общей юрисдикции»⁶ полномочия Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации были расширены и дополнены.

Так, в соответствии с п. 10 ст. 6 Федерального закона от 8 января 1998 г. № 7-ФЗ (в ред. от 27.12.2019) «О Судебном департаменте при Верховном Суде Российской Федерации» Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации имеет право перераспределять по «согласованию с Председателем Верховного Суда Российской Федерации и с учетом мнения председателей кассационных судов общей юрисдикции, апелляционных судов общей юрисдикции, кассационного военного суда, апелляционного военного суда, верховных судов республик, краевых и областных судов, судов городов федерального значения, судов автономной области и автономных округов, арбитражных судов округов, арбитражных апелляционных судов, арбитражных судов субъектов Российской Федерации, военных судов и специализированных федеральных судов образовавшиеся в соответствующих судах вакансии на должности судей, а также при необходимости перераспределяет штатную численность работников аппаратов федеральных судов общей юрисдикции и работников аппаратов арбитражных судов в пределах их общей штатной численности, предусмотренной федеральным законом о федеральном бюджете на соответствующий год».

При реализации данного механизма необходимо учитывать одну особенность,

а именно территориальный признак. Автор, анализируя материалы судебной статистики, представленные на официальном сайте Судебного департамента Верховного Суда Российской Федерации, выявила, что в настоящее время повышенный уровень нагрузки на судебную систему только в отдельных субъектах Российской Федерации. Это относится к городам-мегаполисам, например г. Москва и Санкт-Петербург, а также отдельным регионам государства с наиболее развитой экономикой и высокой плотностью населения.

Целесообразно провести статистический анализ судебной нагрузки за последние 5 лет на всей территории Российской Федерации, и на основании выявленной динамики увеличения степени загруженности судов можно выработать предложения по изменению количества судебных участков и районных судов в отдельных регионах России.

Например, если в одном округе или районе судебная нагрузка низкая или средняя, то целесообразно их объединить, а в районах с высокой судебной нагрузкой, наоборот, можно создать дополнительные судебные участки или расширить судебский корпус. Иными словами, требуется перераспределить штат судебного корпуса и аппарата судов в зависимости от количества поступающих в них исков.

Высокая степень загруженности судебной системы Российской Федерации в отдельных субъектах государства также напрямую связана с отсутствием актуальных нормативов судебной нагрузки. Так как в настоящее время в Российской Федерации действуют Нормы нагрузки судей, судебных исполнителей и работников аппарата районных (городских) судов, утвержденные Постановлением Министерства труда Российской Федерации № 416, Министерства юстиции Российской Федерации № 06-74-125 от 27 июня 1996 г. «Об утверждении Норм нагрузки судей, судебных исполнителей и работников аппарата районных (городских) судов»⁷,

⁶ Федеральный закон от 29 июля 2018 г. № 266-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с созданием кассационных судов общей юрисдикции и апелляционных судов общей юрисдикции» // Российская газета. 2018. 1 августа.

⁷ Постановление Министерства труда Российской Федерации № 416, Министерства юстиции Российской Федерации № 06-74-125 от 27 июня 1996 г. «Об утверждении Норм нагрузки судей, судебных исполнителей и работников аппарата районных (городских) судов» // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

что является существенным пробелом в законодательстве о судоустройстве и существенным образом влияет на разумные сроки судопроизводства. При высокой степени загруженности судьи и сотрудники аппарата судьи не могут должным образом провести стадию подготовки дела к судебному разбирательству, установить перечень дополнительных доказательств, обстоятельств, подлежащих доказыванию, и тем самым сократить чрезмерную длительность рассмотрения дела и вынести справедливое судебное решение в установленный законом срок.

Высокая степень загруженности судебной системы и отсутствие нормативов нагрузки судей являются взаимосвязанными вопросами, которые объединяют вопросы как процессуального характера, так и судоустройственного.

При этом в науке на данную проблему обращают многие ученые-исследователи⁸, но данная проблема не решена и по настоящее время.

Одной из проблем разработки нормативов судебной нагрузки является именно не равномерная загруженность судов в зависимости от субъекта Российской Федерации. Поэтому использование математического и статистического алгоритма вычисления средних нормативов судебной нагрузки не позволит решить данный вопрос. Целесообразно предварительно разрешить вопрос именно с загруженностью судов по судебным округам, впоследствии провести анализ материалов фактической судебной статистики и выработать современные (актуализированные) нормативы судебной нагрузки.

На сроки судопроизводства также влияют и проблемы в информационно-коммуникационных технологиях, но данный вопрос является крайне сложным, и не представляется целесообразным освещать данный аспект в настоящем

исследовании. Ранее автором уже проводились исследования в данной области⁹, и требуется проведение новых и дополнительных научных изысканий.

Особо хотелось бы подчеркнуть, что проблема длительного судопроизводства в России является комплексной и многоаспектной и для ее разрешения также необходимо выработать совокупность правовых мер с учетом устранения современных причин, приводящих к затяжному судопроизводству.

Автор полагает, что для разрешения вышеуказанных проблем актуализировался вопрос развития и становления судебного права, в частности, целесообразно рассмотреть вопрос о разработке Концепции судебного права, которая будет включать в себя предложения по развитию не только процессуального законодательства, но и законодательства о судоустройстве. Особое внимание следует уделить не только общим проблемам судопроизводства и судоустройства, но и частным, а именно:

- разработке нормативов судебной нагрузки и предложений по преодолению высокой степени загруженности отдельных судов субъектов Российской Федерации;

- развитию информационных технологий в системе правосудия;

- выделению отдельных отраслевых принципов, требующих законодательной регламентации;

- предложениям и мерам по увеличению интереса к альтернативным способам урегулирования споров в обществе;

- устранению «цикличности» судопроизводства;

- разработке механизмов и мер по преодолению злоупотребления процессуальными правами не только на стадии рассмотрения дела по существу, но и в рамках исполнительного производства, и многим другим вопросам и проблемам, требующим внимания на данном этапе развития процессуального законодательства и нормативно-правовой базы о судоустройстве.

В настоящее время действующее законодательство Российской Федерации

⁸ Борисова Е.А. Новеллизация законодательства в сфере проверки судебных актов по гражданским и административным делам: цели и средства их достижения // Вестник гражданского процесса. 2020. № 2. С. 53–85; Бурдина Е.В. Нормы служебной нагрузки судей: статистический метод или показатель качества правосудия? // Российский судья. 2017. № 1. С. 49–54; Лазарев С.В. Управление делами в гражданском процессе за рубежом: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2018. 400 с.; Алексеевская Е.И. Мониторинг верховенства права и доступа в суд: 25 лет судебной реформе. М.: Инфотропик Медиа, 2017. 176 с.

⁹ Белякова А.В. Развитие цифровых технологий в системе правосудия как один из способов ускорения судопроизводства в Российской Федерации // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 12. С. 50–56.

несистемно, развивается хаотично, существует большое количество нормативно-правовых актов, а также происходят точечные изменения законодательства, которые в большинстве случаев между собой не согласованы. Данные обстоятельства в совокупности уменьшают эффективность действующих нормативных актов и, как следствие, влияют на правоприменение.

Развитие законодательства, а также его конкретизация и совершенствование на основе разработанной и принятой концепции позволяют преодолеть несогласованность в реализации правовых актов, укрепить межотраслевые связи между отдельными отраслями законодательства. Особо следует отметить, что необходимо при выработке концепции развития законодательства анализировать и учитывать не только особенности действующего процессуального законодательства, но и проводимые экономические, социальные и иные виды реформ.

Наиболее ярким примером может служить развитие информационных (цифровых) технологий в сфере правосудия. Современное общество стремится к «тотальной цифровизации», но это невозможно по ряду причин, в том числе и экономическим. Данные особенности развития государства необходимо учитывать при разработке тех или иных концептуальных изменений российского законодательства.

Автор полагает, что Концепция судебного права должна положить начало развитию и конкретизации отдельных положений процессуального законодательства и нормативно-правовых актов о судостроительстве. Именно анализ имеющихся проблем и противоречий, а также предложения по их устранению и формированию отдельных правовых механизмов могут позволить преодолеть не только причины затягивания судопроизводства, но и решить ряд сопутствующих проблем.

При этом в правовой доктрине идея развития и формирования «судебного права» является не новой, истоки данного вопроса были еще заложены в трудах ученых-правоведов дореволюционной и советской эпохи. Так, профессор В.А. Рязановский отмечал, что «тенденции развития процесса (как в области судостроительства, так и в области судопроизводства) ведут к объединению раз-

личных его видов и к созданию единого процессуального или судебного права»¹⁰.

Подобная точка зрения встречается и в исследованиях других дореволюционных ученых, а именно И.В. Михайловского¹¹, Н.Н. Розина¹², И.Я. Фойницкого¹³. На этапе развития процессуальной науки в советский и современный периоды времени данные идеи также поддерживались и развивались многими учеными-правоведами¹⁴.

Профессор В.М. Жуйков¹⁵ неоднократно отмечал, что «процессуальное законодательство и законодательство о судостроительстве тесно связаны между собой, и отношения между процессуальным законодательством и законодательством о судостроительстве можно охарактеризовать как отношения между содержанием и формой (процесс может осуществляться в тех судах, которые установлены законодательством о судостроительстве)».

Иными словами, эффективная и своевременная защита нарушенных прав и свобод граждан и юридических лиц возможна только при учете всех современных

¹⁰ Рязановский В.А. Единство процесса : учебное пособие. Иркутск, 1919. С. 33.

¹¹ Михайловский И.В. Судебное право как самостоятельная юридическая наука // Право. 1907. № 32.

¹² Розин Н.Н. Процесс как юридическая наука // Журнал Министерства юстиции. 1910. Кн. 10.

¹³ Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства : в 2 т. 4-е изд. М., 1910. Т. 1. 560 с.

¹⁴ Проблемы судебного права / Н.Н. Полянский, М.С. Строгович, В.М. Савицкий, А.А. Мельников. М., 1983 ; Алексеев С.С. Структура советского права. М. : Юридическая литература, 1975. С. 196–197 ; Мурадян Э.М. Судебное право. СПб. : Юридический центр Пресс, 2007 ; Ее же. Судебное право (в контексте трех процессуальных кодексов) : монография. М. : ТК Велби, Проспект, 2003 ; Витрук Н.В. Система российского права (современные подходы) // Российское правосудие. 2006. № 6. С. 13 ; Попова Ю.А. Теория процессуальных (судопроизводственных) форм реализации судебной властью функций (ретроспективный анализ) // Вестник гражданского процесса. 2012. № 2. С. 11 ; Тихомиров Ю.А. Публичное право. М. : БЕК, 1995. 496 с.

¹⁵ Жуйков В.М. Общая концепция развития процессуального законодательства и законодательства о судостроительстве // Журнал российского права. 2010. № 7. С. 5–17 ; Жуйков В., Борисова Е., Головкин Л. и др. Реформа судостроительства в России: новый этап // Закон. 2016. № 11. С. 18–32 ; Жуйков В.М. О некоторых проблемах развития процессуального законодательства и законодательства о судостроительстве // Журнал российского права. 2017. № 8. С. 135–150.

проблем и реалий в построении судебной системы и конкретизации законодательств о судостроительстве и судопроизводстве. При этом защита нарушенных прав, свобод и законных интересов в установленные законом сроки возможна при одновременном развитии как процессуального законодательства, так и проведения реформ в области судостроительства.

В настоящее время важность развития законодательства о судостроительстве в контексте соотношения с процессуальным законодательством возросла по ряду причин, а именно:

1. Развитие наднационального законодательства и органов судебной власти, когда международные документы и постановления Европейского суда по правам человека (далее — ЕСПЧ) существенным образом влияют на развитие не только национального законодательства, но и правоприменительную практику. При этом интеграция норм международного права и правовых позиций ЕСПЧ происходит без учета особенностей правовой системы того или иного государства, что не только порождает правовые коллизии, но и формирует правовую неопределенность.

2. Ускоренная трансформация общественных и экономических отношений, которые также требуют дополнительного правового регулирования, что приводит к систематическому изменению как материального, так и процессуального законодательства. Это тоже, в свою очередь, порождает пробелы и коллизии.

3. Существует острая необходимость в развитии не одних информационно-коммуникационных технологий в области права с целью совершенствования электронного документооборота, формирования «модели электронного правосудия». Ряд последних общеизвестных

событий, произошедших в мире в период за 2020–2021 гг., выявил необходимость формирования межотраслевых исследований, призванных объединять информационные технологии с социальными, общественными и гуманитарными науками.

На основании всего вышеизложенного представляется актуальным развитие судебного права в России не только как доктринального понятия, но и отрасли законодательства. Судебное право, по мнению автора, в узком смысле представляет собой совокупность правовых норм, регулирующих вопросы судостроительства и судопроизводства в Российской Федерации.

Ученые уже высказывали позицию о необходимости принятия отдельного законодательного акта, который бы позволил закрепить общие начала судебного права¹⁶.

Автор же полагает, что в настоящее время принятие отдельного нормативно-правового акта является преждевременным, так как для формирования и развития отдельной отрасли права необходима разработка концептуальных подходов, принципов данной отрасли и других элементов, анализ и формирование которых возможны только на основании разработки концепции данной отрасли. Данная научная позиция¹⁷ уже была высказана и поддерживается автором настоящего исследования.

¹⁶ См. подр.: Мурадян Э.М. Судебное право; Малько А.В., Семикин Д.С., Люкина О.В. Судебное право как важнейший элемент судебной системы // Российская юстиция. 2010. № 3. С. 2–4.

¹⁷ Концепция развития российского законодательства: сб. / под ред. Л.А. Окунькова, Ю.А. Тихомирова, Ю.П. Орловского. М.: ИЗИСП, 1994; Семикин Д.С., Литвинова К.А. Судебное право и судебная политика // Российская юстиция. 2012. № 9. С. 44–46.

Литература

1. Алексеев С.С. Структура советского права / С.С. Алексеев. Москва: Юридическая литература, 1975. 263 с.
2. Алексеевская Е.И. Мониторинг верховенства права и доступа в суд: 25 лет судебной реформе / Е.И. Алексеевская. Москва: Инфотропик Медиа, 2017. 176 с.
3. Белякова А.В. Проблемы защиты права на судопроизводство в разумный срок в гражданском и арбитражном процессах в Российской Федерации: диссертация кандидата юридических наук / А.В. Белякова. Москва, 2018. 178 с.
4. Белякова А.В. Развитие цифровых технологий в системе правосудия как один из способов ускорения судопроизводства в Российской Федерации / А.В. Белякова // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 12. С. 50–56.

5. Борисова Е.А. Новая кассация по гражданским делам: вопросы теории, истории, практики / Е.А. Борисова // Вестник гражданского процесса. 2019. № 5. С. 21–41.
6. Борисова Е.А. Новеллизация законодательства в сфере проверки судебных актов по гражданским и административным делам: цели и средства их достижения / Е.А. Борисова // Вестник гражданского процесса. 2020. № 2. С. 53–85.
7. Бурдина Е.В. Нормы служебной нагрузки судей: статистический метод или показатель качества правосудия? / Е.В. Бурдина // Российский судья. 2017. № 1. С. 49–54.
8. Витрук Н.В. Система российского права (современные подходы) / Н.В. Витрук // Российское правосудие. 2006. № 6. С. 4–14.
9. Жуйков В. Реформа судостроительства в России: новый этап / В. Жуйков, Е. Борисова, Л. Головкин [и др.] // Закон. 2016. № 11. С. 18–32.
10. Жуйков В.М. О некоторых проблемах развития процессуального законодательства и законодательства о судостроительстве / В.М. Жуйков // Журнал российского права. 2017. № 8. С. 135–150.
11. Жуйков В.М. Общая концепция развития процессуального законодательства и законодательства о судостроительстве / В.М. Жуйков // Журнал российского права. 2010. № 7. С. 5–17.
12. Концепция развития российского законодательства : сборник / под редакцией Л.А. Окунькова, Ю.А. Тихомирова, Ю.П. Орловского. Москва : ИЗИСП, 1994. 243 с.
13. Лазарев С.В. Управление делами в гражданском процессе за рубежом : монография / С.В. Лазарев. Москва : Норма: ИНФРА-М, 2018. 400 с.
14. Алексеевская Е.И. Мониторинг верховенства права и доступа в суд: 25 лет судебной реформе / Е.И. Алексеевская. Москва : Инфотропик Медиа, 2017. 176 с.
15. Малько А.В. Судебное право как важнейший элемент судебной системы / А.В. Малько, Д.С. Семикин, О.В. Люкина // Российская юстиция. 2010. № 3. С. 2–4.
16. Матюшенков Р.Ю. Неразумная разумность, или Вынужденные убытки от правосудия (еще раз о возмещении судебных расходов на оплату услуг представителя) / Р.Ю. Матюшенков, М.А. Филатова // Закон. 2019. № 12. С. 156–165.
17. Михайловский И.В. Судебное право как самостоятельная юридическая наука / И.В. Михайловский // Право. 1907. № 32. 16 с.
18. Момотов В.В. Судебная реформа 2018 года в Российской Федерации: концепция, цели, содержание / В.В. Момотов // Журнал российского права. 2018. № 10. С. 134–146.
19. Момотов В.В. Судебная реформа 2018 года в Российской Федерации: концепция, цели, содержание / В.В. Момотов // Журнал российского права. 2019. № 12. С. 68–89.
20. Мурадян Э.М. Судебное право / Э.М. Мурадян. Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2007. 567 с.
21. Мурадян Э.М. Судебное право (в контексте трех процессуальных кодексов) : монография. Москва : ТК Велби, Проспект, 2003. 126 с.
22. Проблемы судебного права / Н.Н. Полянский, М.С. Строгович, В.М. Савицкий, А.А. Мельников. Москва : Наука, 1983. 223 с.
23. Попова Ю.А. Теория процессуальных (судопроизводственных) форм реализации судебной властью функций (ретроспективный анализ) / Ю.А. Попова // Вестник гражданского процесса. 2012. № 2. С. 10–40.
24. Розин Н.Н. Процесс как юридическая наука / Н.Н. Розин // Журнал Министерства юстиции. 1910. Кн. 10. С. 24–45.
25. Рязановский В.А. Единство процесса : учебное пособие / В.А. Рязановский. Иркутск, 1919. 33 с.
26. Семикин Д.С. Судебное право и судебная политика / Д.С. Семикин, К.А. Литвинова // Российская юстиция. 2012. № 9. С. 44–46.
27. Тихомиров Ю.А. Публичное право / Ю.А. Тихомиров. Москва : БЕК, 1995. 496 с.
28. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. В 2 томах. Т. 1 / И.Я. Фойницкий. 4-е изд. Москва : Общественная Польза, 1910. 560 с.

Развитие системы судопроизводства на территории Херсонеса Таврического. Античный период

Коваль Владимир Николаевич,

директор Юридического института Севастопольского государственного университета,
заслуженный юрист Украины, заслуженный юрист Республики Крым,
доктор юридических наук
belkoval@yandex.ru

В статье рассматриваются исторические и социальные условия, которые повлияли на становление системы судопроизводства в Древней Греции. Исследуется значение различных экономических предпосылок (развитие торговых путей, внешнеэкономических связей), повлиявших на формирование и функционирование античной системы права. Кроме того, исследуются общие принципы построения судебного процесса в Афинах и причерноморских колониях-полисах.

Рассматриваются характерные признаки отдельных видов судебных процессов античности, связанные с частным правом. Использование исторического материала (в частности, античных комедий) помогает в определенной мере рассмотреть взаимосвязь социальных моментов и отправления правосудия и их значение в жизни древнегреческого общества.

Также рассматриваются роль и функции отдельных лиц (например, агораномов), на которых возлагались административные функции. Проводится сравнительный анализ функционирования судебной системы Афин и причерноморских городов-полисов (в частности, Херсонеса).

Ключевые слова: судопроизводство, античность, Древняя Греция, Херсонес Таврический, греческая колонизация, проксения, агораномы, торговые договоры, правосудие.

The Development of the System of Court Procedure in the Territory of Tauric Chersonese. The Antic Period

Koval Vladimir N.

Director of the Law Institute of the Sevastopol State University
Honored Lawyer of Ukraine, Honored Lawyer of the Republic of Crimea
LL.D.

The paper examines the historical and social conditions that influenced the formation of the judicial system in Ancient Greece. The significance of various economic prerequisites (development of trade routes, foreign economic relations), which influenced the formation and functioning of the ancient system of law, is investigated. In addition, the general principles of the construction of the judicial process in Athens and the Black Sea colonies-polities are investigated.

The characteristic features of certain types of legal proceedings of antiquity associated with private law are considered. The use of historical material (in particular, antique comedies) helps to a certain extent to consider the relationship between social moments and the administration of justice and their significance in the life of ancient Greek society.

It also discusses the role and functions individuals (Agoranomas) who were assigned administrative functions. A comparative analysis of the functioning of the judicial system of Athens and the Black Sea city-polities (in particular, Chersonesus) is carried out.

Keywords: legal proceedings, antiquity, Ancient Greece, Chersonesus, Greek colonization, proxenias, agoranomas, trade agreements, justice.

Уникальное географическое положение Крымского полуострова, его местоположение на пересечении торговых путей во все времена сказывалось на его особом статусе. Перекресток морских и сухопутных путей, регион, населенный различными народами, в котором сочетались самые разнообразные культурные устои, стал территорией, где причудливо

переплетались многие вековые традиции. Для рассмотрения культурных тенденций, повлиявших на становление права на территории Крыма, необходимо обратиться к истории полуострова.

Так, в начале бронзового века на территории Крыма поселились киммерийцы. Ведущие кочевой образ жизни, эти племена активно расселились

в степном Крыму, включая Керченский полуостров. Любопытно, что с легкой руки Максимилиана Волошина практически весь восточный Крым стал называться Киммерией¹.

Примерно в это же время в предгорном и горном Крыму обосновались племена тавров. Первое упоминание о них мы можем встретить в сочинениях Геродота, описывавшего тавров как народ, что «живет грабежом и войной». Именно этноним этого народа и дал название региону — Таврида².

Однако и тавры, и киммерийцы ушли в прошлое после прихода на Крымский полуостров племен скифов. Этот конгломерат племен в различные периоды населял территорию от Дуная до Китая. Стоит отметить, что в истории Крыма скифские племена не являлись единым монолитным образованием. Так, в степном Крыму обитали царские скифы, обладавшие своеобразной культурой и считавшие себя выше остальных кочевников. Однако с течением времени среди скифских племен начал намечаться переход к оседлому образу жизни, и в IV в. до н.э. в степных районах Крыма и на Керченском полуострове стали появляться скифские деревни. По мнению многих историков, процесс формирования нового способа жизни был связан, прежде всего, с резким увеличением количества обитателей Крымского полуострова³.

В VI—V вв. до н.э. побережье Крыма начали активно осваивать выходцы из Эллады. Здесь началось активное строительство портовых городов, которые со временем стали основой для двух активно развивающихся образований — полиса Херсонес и Боспорского царства. Именно греки привезли на берега Тавриды кораблестроение, виноделие, архитектуру и собственную культуру⁴.

Само собой, что активное становление таких сфер жизнедеятельности, как торговля и земледелие, вызывало многочисленные споры и тяжбы. Возникла необходимость построения четкой судебной системы, которая бы разрешала актуальные для античного общества вопросы. Кроме того, активные торговые отношения связывали причерноморские полисы с иными государствами. «Торговля в Херсонесе в первые века нашей эры развивалась по двум направлениям: с местными степными племенами и с остальным античным миром. Поддерживались традиционные торговые связи с Малой Азией и Сирией. Появляются новые направления торговых связей: Италия, Северная Африка, Испания, Южная Франция, Северная Германия (Кельн)»⁵.

Регулирование торговых отношений осуществлялось при помощи нескольких правовых институтов, немаловажным из которых выступает проксения — институт древнегреческого международного права, основанный на общественном гостеприимстве. Корни проксении кроются в частной ксении — обычая ритуального гостеприимства, налаженного на заключивших его лиц (ксенов) ряд взаимных обязательств. Само собой, положения проксении затрагивали и торговые отношения. Так, проксения наделяла жителей других городов различными льготами в случае перевозки и продажи товаров, включая право беспошлинной торговли⁶.

Многочисленность и оживленность торговых отношений, активное участие в торговых операциях иностранцев диктовали необходимость участия в них лиц, которые бы следили за порядком. Именно такими лицами и выступали агораномы (смотрители рынков), обла-

¹ Храпунов И.Н. Очерки этнической истории Крыма в раннем железном веке. Тавры, скифы, сарматы. Симферополь: Таврия, 1995. С. 34.

² Храпунов И.Н. Этническая история Крыма в раннем железном веке: монография. Симферополь: Институт востоковедения НАН Украины, 2004. С. 121.

³ Энциклопедия народов Крыма / под общ. ред. Ю.А. Катунина. Симферополь: Доля, 2016. С. 25–35.

⁴ Гайдукевич В.Ф. История античных городов Северного Причерноморья // Античные города

Северного Причерноморья: Очерки истории и культуры: сб. ст. / отв. ред. В.Ф. Гайдукевич, М.И. Максимова. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. 1. С. 66–82.

⁵ Античные государства Северного Причерноморья / Е.М. Алексеева, А.К. Амброс, Т.М. Арсеньева и др.; отв. ред. Г.А. Кошеленко. Москва: Наука, 1984. С. 51.

⁶ Шарнина А.Б. Проксения в межполисных отношениях Эллады // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира: сб. ст. СПб, 2014. С. 132.

давшие полномочиями осуществления административной власти. Агораномы могли при необходимости выступать свидетелями при заключении торговых договоров, контролировали качество, цену и вес товаров, следили за деятельностью городских менял и могли устанавливать размеры и виды штрафов при нарушении торговых операций⁷.

Агораномы в случае необходимости могли рассматривать и торговые споры, возникающие на агоре. Быстрое разрешение споров агораномы высоко ценилось при торговых операциях, позволяя избежать простоя и порчи товара. Численность агораномов напрямую зависела от размера полиса. Так, в Афинах численность агораномов доходила до 10 человек (пять непосредственно для города и пять для гавани — Пирея). Согласно сохранившимся письменным документам, в Херсонесе функции агораномы осуществлял один человек. Кроме того, сегодня затруднительно определить срок, на который избирались херсонесские агораномы. Обычно они избирались на год, но в первом столетии новой эры срок осуществления их обязанностей нередко ограничивался несколькими месяцами⁸.

Немаловажную роль в становлении системы судов в античных полисах также сыграло активное развитие института торговых договоров. При этом подобные договоры могли заключать между собой не только жители полисов, но и иностранцы. В большинстве случаев содержание торговых договоров исключало возможность самостоятельного разрешения возникающих споров и требовало участие посредника, чья оценка была бы обоснованной для разрешения спора не только для граждан полиса, но и для чужеземцев⁹.

Стоит отметить, что отсутствие четкого разделения отраслей права в античной Греции не позволяет провести параллель с современной судебной системой и говорить о существовании специализированных судов, которые бы рассматривали только отдельные

категории дел (например, связанные исключительно с торговыми спорами). Однако известно, что судопроизводство в полисах-колониях действовало на основе афинской модели, на особенностях которой хотелось бы остановиться более подробно.

Любопытно, но довольно подробную и разнохарактерную информацию об античном судоустройстве рассматриваемого периода (VI—V вв. до н.э.) мы можем почерпнуть из сферы эстетики. Довольно много материала о деятельности античной судебной системы и об особенностях ее функционирования, дошло до наших дней благодаря комедиям Аристофана «Осы» и «Всадники», что были поставлены в афинском театре Дионисия в 422 и 419 гг. до н.э. Стоит отметить, что Аристофан был сведущ во многих городских делах и политических событиях, хорошо разбирался в различных тонкостях судебной процедуры и также хорошо знал повседневную жизнь сельских жителей и горожан.

Согласно произведениям Аристофана, суд и судебная процедура обладали такими признаками, как регулярность (в Афинах до 300 заседаний в год, кроме дней праздников и народных собраний), публичность и массовость судебного процесса. Здесь, конечно, необходимо учитывать разницу в количестве населения Афин и колоний. Так, Аристофан, описывая афинское судопроизводство, говорит о 6 000 человек, разделяемых в день судебного заседания на 10 коллегий¹⁰. Конечно же, в колониях-полисах количество людей, принимавших участие в судебных заседаниях, было значительно меньше. Кроме того, судьи не обладали профессиональной подготовкой и (согласно Аристофану) должность судьи была доступна для представителей самых разных имущественных разрядов. В своих комедиях Аристофан неоднократно утрировал этот факт и сатирически изображал афинский суд как «засилье бедных стариков-ворчунов»¹¹. Осуществление функции судьи оплачивалось. Так, за одно судебное заседание

⁷ Господарське судочинство Криму: історія та сучасність / за заг. ред. В.М. Коваля. Севастополь : Рібест, 2011. С. 10.

⁸ Ibid. С. 11.

⁹ Античные государства Северного Причерноморья. С. 49–56.

¹⁰ Аристофан. Комедии : в 2 т. / пер. с древнегр. М. : Искусство, 1983. Т. 1. С. 78.

¹¹ Там же. С. 243.

судья получал два-три обола, что иногда было единственным источником существования. На подобную сумму можно было прокормить семью из трех человек, и данная сумма равнялась дневному прожиточному минимуму афинского ремесленника¹².

Как правило, судебные заседания проходили на главной площади города (агоре). Об исторических фактах свидетельствуют и многие археологические находки. Так, от афинского дикастерия (суда присяжных) середины V века до н.э. сохранились четыре длинных скамьи, на которых умещалось до 500 человек, то есть практически полный состав судейской коллегии¹³. Любопытно, но даже в те далекие времена участники заседаний пытались склонить решение суда на свою сторону. Так, если верить произведениям Аристофана, перед началом заседаний истцы и ответчики, ожидавшие дикастов на агоре, пытались своими просьбами и молитвами склонить их на свою сторону. Не исключено, что до начала заседаний они могли передать или пообещать судьям благодарность за благоприятное разрешение своего дела.

Конечно же, Аристофан в своих произведениях рассматривал деятельность античной судебной системы с сатирической точки зрения, но благодаря его строкам мы можем узнать довольно много интересных фактов о строении и функционировании органов правосудия как в Афинах, так и в греческих колониях.

Так, главным судебным органом являлся суд присяжных. Присяжные выбирались Народным собранием из числа граждан, достигших 30-летнего возраста, и которые не были ограничены или лишены гражданских прав. Выбранные по жребию, они распределялись на специальные судебные палаты — дикастерии. Вступавшие на должность выбранного судьи, дикасты присягали вершить суд на основании законов, а в случае отсутствия специальных законов — на основании принципа справедливости. После произнесения присяги каждый из дикастов получал деревянную или

бронзовую пластину с выбитым на ней именем судьи и номером дикастерия, к которому он принадлежал. Данная пластина на протяжении всего года, на который выбирался дикаст, служила подтверждением официальной должности, которую он занимал¹⁴.

Порядок судопроизводства и формы голосования были различны и зачастую зависели от разновидности дел, рассматриваемых в дикастерии. В целом же все судебные процессы в афинском праве (и в праве полисов-колоний) можно было разделить на две крупные группы: графэ и дикэ.

Процесс графэ был связан с интересами государства и характеризовался рядом особенностей. Так, данный вид процесса мог быть инициирован любым полноправным гражданином, даже если обстоятельства дела не касались его лично. При выигрыше процесса обвинитель не получал никакой материальной выгоды или вознаграждения, поскольку штраф с виновной стороны поступал в государственную казну. Кроме того, лицо, возбудившее процесс графэ, было обязано довести его до конца. Если же оно отказывалось от своих обвинений и позиций, то ему угрожал довольно крупный денежный штраф за инициацию необоснованного судебного процесса. Также в процессе графэ, так как он касался публичной сферы, истец не был обязан платить судебную пошлину¹⁵.

Процесс дикэ предоставлял диаметрально противоположную категорию и был связан с частными делами (например, взыскание материального ущерба, долгов и т.д.). Так, процесс дикэ инициировался вследствие нарушения чьих-либо интересов. Если обстоятельства процесса графэ могли и не касаться интересов истца, то процесс дикэ мог возбудить только тот, кого данное дело касалось непосредственно, и, конечно же, выигрыш процесса сопровождался получением материальной выгоды. Кроме того, процесс дикэ мог быть остановлен истцом практически на любой стадии и за данный факт он не

¹² Там же. С. 110.

¹³ Кудрявцева Т.В. Народный суд в демократических Афинах. СПб. : Алетей, 2008. С. 122.

¹⁴ Господарське судочинство Криму: історія та сучасність. С. 7.

¹⁵ Ibid. С. 8.

нес никакой ответственности. Взимание судебной пошлины при процессе дикэ было обязательным условием.

Стоит, однако, отметить, что в реальности процессы графэ и дикэ не были строго разграничены друг от друга и зачастую от самого истца зависел выбор процессуальной формы рассмотрения дела.

Ярко выраженный частнопредпринимательский характер носил и процесс бебайосеос. Данный вид процесса мог быть возбужден покупателем против продавца в случае, если третье лицо предьявляло права на проданную вещь (оспаривало законность акта купли-продажи), а продавец не мог подтвердить собственные права на проданное имущество. При данном виде процесса окончательное решение суда принималось путем псефиксисидии — голосования камешками (псефами), которые кидали в специальные урны. Так, в Клятве Херсонесита (начало III до н.э.) говорится: «Не замыслию никакого несправедливого деяния против кого-либо из граждан, не отпавших и никакому злоумышляющему не позволю и не утаю вместе с ним, на заявлю и на суде подам голос (буду судить камнями)

по закону»¹⁶. Любопытно, что дикасты голосовали гладкими кружками за оправдательный приговор и просверленными — за осуждение.

Конечно, в полисах-колониях осуществление правосудия обладало своеобразными характеристиками, учитывающими количество жителей, прохождение торговых путей и географическое положение, но в целом судопроизводство базировалось на принципах и процедурах афинской системы судопроизводства.

Четвертый крестовый поход 1202–1204 гг. привел к развалу Византийской империи и резкой активизации кочевых и мусульманских народов. Контроль над черноморскими владениями (включая и Херсонес) перешел к Трапезундской империи. Уже позже, в первой половине XIII в., свою власть устанавливают здесь турки — сельджуки. С течением времени значительная торговая роль Херсонеса уходит в прошлое, как, впрочем, и роль афинской системы судопроизводства, на которой строилась правовая жизнь этого некогда могущественного античного полиса.

¹⁶ Скржинская М.В. Под покровительством Фемиды // История. 2009. № 12 (876). С. 20.

Литература

1. Античные государства Северного Причерноморья / Е.М. Алексеева, А.К. Амброз, Т.М. Арсеньева [и др.]; ответственный редактор Г.А. Кошеленко. Москва : Наука, 1984. 392 с.
2. Аристофан. Комедии. В 2 томах. Т. 1 ; перевод с древнегреческого / Аристофан. Москва : Искусство, 1983. 518 с.
3. Гайдукевич В.Ф. История античных городов Северного Причерноморья / В.Ф. Гайдукевич // Античные города Северного Причерноморья: Очерки истории и культуры. Т. 1 : сборник статей / ответственные редакторы В.Ф. Гайдукевич, М.И. Максимова. Москва : Изд-во АН СССР, 1955. 270 с.
4. Господарське судочинство Криму: історія та сучасність / за заг. ред. В.М. Ковалюка. Севастополь : Рібест, 2011. 167 с.
5. Кудрявцева Т.В. Народный суд в демократических Афинах / Т.В. Кудрявцева. Санкт-Петербург : Алетейя, 2008. 464 с.
6. Скржинская М.В. Под покровительством Фемиды / М.В. Скрижанская // История. 2009. № 12 (876). С. 14–24.
7. Храпунов И.Н. Очерки этнической истории Крыма в раннем железном веке. Тавры, скифы, сарматы / И.Н. Храпунов. Симферополь : Таврия, 1995. 83 с.
8. Храпунов И.Н. Этническая история Крыма в раннем железном веке : монография / И.Н. Храпунов. Симферополь : Институт востоковедения НАН Украины, 2004. 240 с.
9. Шарнина А.Б. Проксения в межполисных отношениях Эллады / А.Б. Шарнина // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. 2014. № 14. С. 129–142.
10. Энциклопедия народов Крыма / под общей редакцией Ю.А. Катунина. Симферополь : Доля, 2016. 256 с.
11. Яйленко В.П. Греческая колонизация VII–III вв. до н.э. / В.П. Яйленко. Москва : Наука, 1982. 312 с.

Становление международного права через развитие международных судов

Ключников Андрей Юрьевич,

судья Правобережного районного суда города Липецка,
доцент Липецкого филиала Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
кандидат юридических наук
andrew19871961@mail.ru

В статье обсуждается проблема становления международного права как самостоятельной системы права через исторический опыт государств и возрастающую роль в этом процессе международных судов. Автор обосновывает тезис, что растущее доверие государств к международным судам как регулятору обусловлено обязанностью каждый раз давать оценку собственной компетенции на рассмотрение дела, повышению качества практики, развитию международного права. Несмотря на нормативное закрепление судебной практики как вспомогательного источника права, она постепенно меняет юридическую природу международного права.

Ключевые слова: международный суд, национальное право, правовая система, компетенция, практика, прецедент.

The Establishment of the International Law through the Development of International Courts

Klyuchnikov Andrey Yu.

Judge of the Pravoberezhny District Court of Lipetsk
Associate Professor of the Lipetsk Branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
PhD (Law)

The article discusses the problem of the formation of international law as an independent system of law through the historical experience of states and the increasing role of international courts in this process. The author substantiates the thesis that the growing confidence of states in international courts as a regulator is due to the obligation to assess their own competence each time to consider a case, to improve the quality of practice, and to develop international law. Despite the normative consolidation of judicial practice as an auxiliary source of law, it is gradually changing the legal nature of international law.

Keywords: international court, national law, legal system, competence, practice, precedent.

Государства веками развивали международное право через введение взаимообязывающих норм, выходящих за пределы внутригосударственного права. Долгое время они действовали в порядке самоограничения и компромисса, не усматривая необходимости учреждать структуры, компетентные принимать решения о нарушении международных норм и разрешать споры между государствами. Гуго Гроций предлагал понимать под международным правом свод правил поведения, выходящих за пределы государственного регулирования, существующих без судебных разбирательств (хотя арбитраж при рассмотрении межгосударственных споров упоминался в

более ранних работах, таких как «Закон войны» Альбертико Джентили)¹.

Однако, по справедливому замечанию Харта, «в отсутствие международного законодательного органа, единого суда с обязательной юрисдикцией и централизованно применяемых санкций международное право напоминает простую форму социальной организации, состоящую из первичных обязательных норм, которую мы привыкли противо-

¹ Kingsbury B. International Courts: Uneven Judicialisation in Global Order // The Cambridge Companion to International Law / ed. J. Crawford, M. Koskenniemi, P. Ranganathan. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. P. 203.

поставлять развитой правовой системе, когда мы находим ее среди обществ индивидов»².

Как следствие, к концу XIX в. сформировался подход, что в отсутствие международной судебной системы правовой характер и легитимность системы международного права сомнительны. Об истоках формирования современной международной судебной системы можно говорить с 1794 г., когда на основании Англо-американского соглашения о дружбе, торговле и мореплавании (Договор Джея) начали действовать арбитражные учреждения для разрешения межгосударственных споров.

Увеличение количества, содержательной нагрузки и степени сложности норм международного права потребовало расширения применения институтов разрешения споров³.

Взрывной темп появления новых судебных учреждений характерен для 90-х гг. XX в., особенностью которого стала несистематизированность и неупорядоченность процесса. Ряд исследователей описывают его как процесс проб и ошибок на фоне интеграции в отдельных регионах мира (особенно в Европе), появления новых международных организаций для обеспечения эффективности нормативных актов, принимаемых ими⁴.

Международные суды как регулятор действуют в условиях нестабильности, конфликтов и напряженности в межгосударственных отношениях. Как утверждает Романо, международные трибуналы могут оказаться хрупким институтом, причем в большей степени, чем большинство других международных институтов⁵. Для развития международ-

ного права им необходима надлежащая организация деятельности, достаточная подготовка, в которой они могут действовать.

Так, успех ЕСПЧ можно объяснить тем, что этот суд действовал в относительно однородной правовой среде государств. Африканские суды пытались примирить диаметрально противоположные правовые системы, действующие на континенте. Суды азиатского региона явно избегают передачи части компетенции наднациональным судебным структурам.

На наш взгляд, в последние годы особенно заметна тенденция к признанию государствами практики судов с узкой сферой компетенции, чем судов общей компетенции, таких как Международный суд ООН. Это свидетельствует о намерении государств развивать международное право, отдельные его отрасли (например, международное право прав человека) через суды с обязательной юрисдикцией и узкой сферой компетенции.

Тенденция влечет своеобразный «парадигмальный сдвиг» международной судебной системы, произошедший в конце XX в. — начале XXI в., от консенсуальной парадигмы, требующей явного и специального согласия на юрисдикцию того или иного суда (зависит от усмотрения, дискреционных полномочий судьи), к обязательной парадигме, где согласие на принятие дела к производству является в значительной степени формальным, выражается имплицитно через ратификацию международных договоров, учреждающих суд.

Следовательно, утверждение международного договора сопряжено с политическими, репутационными, социальными рисками и издержками, которые могут быть непомерно велики. В основе признания государствами юрисдикции международного суда, его прецедентной международной практики лежат соображения взаимности, доверие.

В целом государства неохотно признают обязательную юрисдикцию судов общей (предметной) компетенции (*rationae materiae*), как, например, Международный суд ООН. Интенсивное развитие институтов международного права

² Hart H.L.A. *The Concept of Law*. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press, 1984. P. 209.

³ Толстых В. Международные суды и участие России в их деятельности // *Экономические стратегии*. 2009. № 7. С. 78–85.

⁴ Глогов С.А. Европейская Конвенция и Европейский суд по правам человека в праве и правоприменительной практике Российской Федерации: теоретико-правовые вопросы // *Право и образование*. 2012. № 7. С. 79–85.

⁵ Romano C.P.R. *The Shift from the Consensual to the Compulsory Paradigm in International Adjudication: Elements for a Theory of Consent* // *The New York University Journal of International Law and Politics*. 2007. Vol. 39. P. 794.

с 1990-х гг. обусловлено становлением судов ограниченной юрисдикции. Из-за несинхронизированного и децентрализованного процесса их компетенция зачастую взаимно перекрывается, ведет к правовым коллизиям, конфликту юрисдикций. Международный суд ООН компетентен разрешать межгосударственные споры, однако аналогичный круг вопросов могут решать и специализированные трибуналы, такие как Международный трибунал по морскому праву, Суд ВТО, региональные суды по правам человека.

Forum shopping способствует здоровью соперничеству судов, повышению качества практики, ускоренному разбирательству дела, повышению степени легитимности и развитию международного права. Однако на практике часто побеждает прагматический интерес: стороны направляют свое дело в тот суд, где у них больше шансов на победу.

В этом контексте большое значение имеет четкое следование принципу *res judicata*. Он не допускает повторной подачи жалобы, если стороны по делу или правовое основание вновь поданного иска совпадают. Принцип является общеправовым, предотвращает опасность вынесения судебными инстанциями расходящихся или противоречивых решений.

Так, в деле Никарагуа Международный Суд ООН постановил, что для установления ответственности за действия, нарушающие международное право, необходим эффективный контроль. В деле Тадича Апелляционная камера Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии постановила, что должен применяться менее ограниченный стандарт контроля — общий контроль. Следовательно, при вынесении решений по аналогичному предмету и единому основанию — о возложении ответственности на государства — сделаны разные выводы.

Другой немаловажной задачей международных судов выступает развитие международного права не только через выяснение смысла норм — абстрактных по содержанию (неполных), недостаточно ясных, но и наполнение международного права через толкование основополагающих принципов, разви-

тие ключевых институтов, образующих его как систему права⁶. В частности, речь идет о концепции императивных норм (*jus cogens*), об обязательствах перед мировым сообществом (*erga omnes norms*). С.Ю. Марочкин делает вывод о формировании общих интернационализированных принципов через взаимодействие внутригосударственной и международной систем права⁷.

Практика международных судов играет решающую роль в формировании обычных норм международного права. Как отмечает Кассезе, «после того, как МС ООН заявил, что правовой стандарт является частью обычного международного права, мало кто будет серьезно оспаривать такой юридический вывод»⁸. Поэтому этот суд играет важную роль в процессе создания норм международного права. Благодаря международным судам регулирующая функция международного права приобретает все большее значение в международном сообществе.

Судебная практика всегда рассматривалась с некоторой долей скепсиса с точки зрения классического международного права. Она несовместима с основополагающим принципом (идеей) суверенитета, и государства не должны подчиняться юрисдикции какого-либо международного трибунала.

Влияние практики международных судов на нормативное наполнение правовой системы государства через толкование норм международного права следует рассматривать как диалектический процесс, который носит исключительно динамический характер и постепенно меняет облик международного права и его юридическую природу. Как следствие, одной из тенденций становится

⁶ Ключников А.Ю. Развитие международными судами общих принципов международного права для восполнения пробелов в обычном и договорном международном праве // Российский судья. 2020. № 1. С. 35–39.

⁷ Марочкин С.Ю. Взаимодействие правовых систем как общий вектор развития (отношение международного сообщества к принципу верховенства права: намерения и реальность) // Российский юридический журнал. 2014. № 5 (98). С. 15–25.

⁸ Cassese A. *The International Court of Justice: It is High Time to Restyle the Respected Old Lady // Realizing Utopia. The Future of International Law*. Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 240.

усиливающееся воздействие международного права на национальное право. Государственно-ориентированный характер построения системы права госу-

дарств делает крайне затруднительным оформление системы международных судов в централизованную, гармоничную, иерархическую систему.

Литература

1. Глотов С.А. Европейская Конвенция и Европейский суд по правам человека в праве и правоприменительной практике Российской Федерации: теоретико-правовые вопросы / С.А. Глотов // Право и образование. 2012. № 7. С. 79–85.
2. Ключников А.Ю. Развитие международными судами общих принципов международного права для восполнения пробелов в обычном и договорном международном праве / А.Ю. Ключников // Российский судья. 2020. № 1. С. 35–39.
3. Марочкин С.Ю. Взаимодействие правовых систем как общий вектор развития (отношение международного сообщества к принципу верховенства права: намерения и реальность) / С.Ю. Марочкин // Российский юридический журнал. 2014. № 5 (98). С. 15–25.
4. Толстых В. Международные суды и участие России в их деятельности / В. Толстых // Экономические стратегии. 2009. № 7. С. 78–85.

References

1. Cassese A. The International Court of Justice: It is High Time to Restyle the Respected Old Lady / A. Cassese // Realizing Utopia. The Future of International Law. Oxford : Oxford University Press, 2012. P. 239–249.
2. Hart H.L.A. The Concept of Law / H.L.A. Hart. 2nd edition. Oxford : Oxford University Press, 1984. 325 p.
3. Kingsbury B. International Courts: Uneven Judicialisation in Global Order / B. Kingsbury // The Cambridge Companion to International Law / ed. J. Crawford, M. Koskeniemi, P. Ranganathan. Cambridge : Cambridge University Press, 2012. P. 203–227.
4. Romano C.P.R. The Shift from the Consensual to the Compulsory Paradigm in International Adjudication: Elements for A Theory of Consent / C.P.R. Romano // The New York University Journal of International Law and Politics. 2007. Vol. 39. P. 791–872.

Уважаемые авторы!

Обращаем ваше внимание на следующие пункты:

- Нельзя предоставлять в журнал рукопись, которая была отправлена в другой журнал и находится на рассмотрении, а также статью, уже опубликованную в другом журнале.
- Соавторами статьи должны быть указаны все лица, внесшие существенный вклад в проведение исследования. Среди соавторов недопустимо указывать лиц, не участвовавших в исследовании.
- Если вы обнаружили существенные ошибки или неточности в статье на этапе ее рассмотрения или после ее опубликования, необходимо как можно скорее уведомить об этом редакцию журнала.

Право судей на обжалование решений и действий конференции судей субъекта Российской Федерации как органа судейского сообщества

Курманов Эдуард Рашидович,
судья Нижневартовского городского суда
Ханты-Мансийского автономного округа — Югры,
кандидат юридических наук, доцент
kur76@rambler.ru

В данной статье рассматриваются вопросы о возможностях судебного или иного обжалования решений и действий такого органа судейского сообщества, как конференция судей субъектов Российской Федерации.

Ключевые слова: судебное обжалование, органы судейского сообщества, конференция судей субъектов Российской Федерации.

The Right of Judges to Appeal against the Decisions and Actions of the Judicial Conference of a Constituent Entity of the Russian Federation as a Body of the Judicial Community

Kurmanov Eduard R.
Judge of the Nizhnevartovsk City Court of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug — Yugra
PhD (Law), Associate Professor

This article examines the issues of the possibilities of judicial or other appeal against decisions and actions of such a body of the judicial community as a conference of judges of the constituent entities of the Russian Federation.

Keywords: judicial appeal, bodies of the judicial community, conference of judges of the constituent entities of the Russian Federation.

Актуальность данной темы исследования на первый взгляд может показаться незначительной или не совсем обоснованной, поскольку может представиться несколько надуманной данная проблема, как не имеющая под собой реального основания.

Однако это не совсем так. Поводом к началу правового анализа послужила практическая ситуация, вытекающая из содержания нормы ст. 7 Федерального закона от 14 марта 2002 г. № 30-ФЗ «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» (далее — Закон № 30-ФЗ)¹.

Так, в п. 1 ст. 7 Закона № 30-ФЗ фактически закреплено, что конфе-

ренции судей субъектов Российской Федерации (далее также — конференции судей) представляют всех судей всех уровней, действующих на территориях соответствующих субъектов Российской Федерации (далее — субъекты РФ). Конференции правомочны принимать решения по всем вопросам, относящимся к деятельности судейского сообщества в субъектах РФ, за исключением вопросов, которые относятся к полномочиям квалификационных коллегий судей и экзаменационных комиссий, а также они имеют правомочия утверждать акты, регулирующие деятельность органов судейского сообщества в субъектах РФ. Решения конференций судей принимаются простым большинством голосов, если конференциями не устанавливается иной порядок принятия решений.

¹ Федеральный закон от 14 марта 2002 г. № 30-ФЗ «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» (ред. от 08.12.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

Таким образом, конференции судей субъектов РФ являются одними из самых важных органов судейского сообщества. Так, в диссертации Е.В. Бурдиной указывается, что самыми представительными органами в подсистеме органов судейского сообщества являются Всероссийский съезд судей и конференции судей субъектов РФ, имеющие исключительные полномочия по формированию выборных органов судейского сообщества². Статус самого представительного органа судейского сообщества в субъектах РФ, а также указанная периодичность созыва нацеливают конференции судей на принятие наиболее важных решений в жизни судейского сообщества субъекта РФ, делают данный корпоративный орган ответственным за выработку долгосрочных ключевых решений в сфере внутрисистемного управления судами³.

Ввиду того, что конференция судей субъекта РФ должна осуществлять работу в интересах судей определенного субъекта РФ, следовательно, при работе данного органа должны соблюдаться установленные законодательством нормы и правила. Тот факт, что конференция судей субъекта РФ является органом судейского сообщества в Российской Федерации, сомнения не вызывает, поскольку это прямо предусмотрено п. 2 ст. 3 Закона № 30-ФЗ, где также закреплено, что органы судейского сообщества формируются и действуют в соответствии с федеральными конституционными законами и федеральными законами для выражения интересов судей как носителей судебной власти. Деятельность органов судейского сообщества регулируется актами (регламентами, положениями), принимаемыми этими органами.

Между тем следует указать, что данный орган является не постоянно действующим органом, поскольку он в силу п. 2 ст. 7 Закона № 30-ФЗ созывается по мере необходимости советом судей субъекта РФ, но не реже одного раза в

два года. Таким образом, решение вопросов обжалования решений, принятых на конференции судей определенного субъекта РФ, может быть осложнено, в том числе и в связи с тем, что к моменту возникновения спора конференция судей закончит свою работу и будет отсутствовать как самостоятельный субъект. После окончания работы конференции все делегаты, участвовавшие в ее работе, прекращают обладание теми полномочиями, которыми они были наделены для работы в этой конференции. Это также может вызывать определенные сложности, которые требуют самостоятельного внимания и изучения.

Безусловно, признавая конференцию судей субъекта РФ самостоятельным органом судейского сообщества, законодатель предусмотрел, что деятельность этого органа должна чем-то упорядочиваться (регламентировать), о чем указано в п. 3 ст. 3 Закона № 30-ФЗ.

Исходя из этих установлений, следует, что регламент конференции судей субъектов РФ является своего рода нормативным актом, определяющим порядок работы конференции судей определенного субъекта РФ. Почему мы делаем акцент на определении регламента как нормативного акта с выражением «своего рода», так это по той причине, что данный регламент не является нормативным актом в строгом понимании смысла этого выражения. Так, в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 г. № 50 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами»⁴ разъяснено, что признаками, которые характеризуют нормативный правовой акт, являются: издание его в установленном порядке управомоченным органом, причем неважно какого уровня — государственной

² Бурдина Е.В. Правовая природа, организация и деятельность органов судейского сообщества в судебной системе России : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2016. С. 303.

³ Там же. С. 316.

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 г. № 50 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами» // СПС «КонсультантПлюс».

власти, органом местного самоуправления или иным органом, уполномоченной организацией или должностным лицом; наличие в нем правовых норм (правил поведения), которые обязательны для неопределенного круга лиц, рассчитаны на неоднократное применение, направлены на урегулирование общественных отношений либо на изменение или прекращение существующих правоотношений. Вместе с тем признание того или иного акта нормативно-правовым во всяком случае зависит от анализа его содержания, который осуществляется судом.

Таким образом, поскольку регламент конференции судей субъекта РФ касается лишь судей этого субъекта РФ, то он необязателен для неопределенного круга лиц, в силу чего не получает характера акта как нормативного. Более того, установление ответственности за нарушение регламента работы такой конференции отнюдь неодинаково с установлением ответственности за нарушение нормативно-правового акта.

Между тем в любом случае работа конференции судей может породить определенные правовые последствия для участников (делегатов) конференции, а также для судей, не принимавших участие в работе этой конференции, поскольку такая конференция вправе принять решение практически по любому вопросу деятельности органов судейского сообщества за указанными выше исключениями, причем решения конференции обязательны для членов судейского сообщества определенного субъекта РФ, как это, например, зафиксировано в ст. 45 Регламента конференции судей Республики Мордовия, утвержденного конференцией судей Республики Мордовия 1 марта 2013 г.⁵ Следует добавить к сказанному, что результаты работы конференции могут также создавать правовые последствия не только для действующих судей, но также и для судей в отставке, которые, несмотря на свой особый правовой ста-

тус, являются лицами, сохраняющими свою принадлежность к судейскому сообществу до момента прекращения отставки, и могут привлекаться с их согласия к работе в органах судейского сообщества, о чем указано в п. 2 ст. 2 Закона № 30-ФЗ.

На практике возник спор, который указал на недостаточную регламентацию деятельности конференции судей субъекта РФ в части разрешения вопроса о возможности обжалования решений, принятых конференцией судей субъекта РФ.

В качестве примера можно привести ситуацию, по которой было вынесено Определение судьи суда Ханты-Мансийского автономного округа — Югры (далее — ХМАО-Югры) от 18 марта 2020 г. о возвращении административного искового заявления гр. Б. и Р. о признании незаконным решения 17-й конференции судей ХМАО-Югры от 20 февраля 2020 г., которое было впоследствии отменено⁶.

Из текста данного определения следует, что административные истцы обратились в суд ХМАО-Югры с административным иском заявлением, в котором просили: 1) признать незаконным решение 17-й конференции судей ХМАО-Югры от 20 февраля 2020 г. о лишении права на участие в работе конференции Б. и Р. и еще 11 кандидатов; 2) обязать ответчика устранить допущенные нарушения прав и законных интересов истцов; 3) обязать ответчика провести новую конференцию судей ХМАО-Югры со стадии отбора делегатов на конференцию; 4) приостановить действие решений 17-й конференции судей ХМАО-Югры в части избрания органов судейского сообщества: Совета Судей, квалификационной коллегии судей и экзаменационной коллегии судей, а также делегатов на Съезд судей Российской Федерации.

Данным определением административное искомое заявление Б. и Р. о признании незаконным решения 17-й кон-

⁵ Регламент конференции судей Республики Мордовия от 1 марта 2013 г. URL: <http://mo.ssrf.ru/dokumenty/pravovaya-osnova/9995> (дата обращения: 02.01.2021).

⁶ URL: https://oblsud-hmao.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=3517276&delo_id=1540005&new=0&text_number=1 (дата обращения: 02.01.2021).

ференции судей ХМАО-Югры от 20 февраля 2020 г. было возвращено заявителям.

Апелляционным определением Второго апелляционного суда общей юрисдикции от 21 мая 2020 г. № 66а-411/2020 Определение судьи суда ХМАО-Югры от 18 марта 2020 г. о возвращении административного искового заявления Б. и Р. о признании незаконным решения 17-й конференции судей ХМАО-Югры от 20 февраля 2020 г. отменено, в принятии указанного административного искового заявления Б. и Р. отказано⁷. В обоснование такого вывода судьей указано, что, в свою очередь, положений, прямо предусматривающих возможность обжалования решений, действий (бездействия) иных органов судейского сообщества, к которым согласно п. 2 ст. 3 Закона № 30-ФЗ относится конференция судей субъектов РФ, данный Федеральный закон и иные нормы действующего законодательства не содержат. Указанная компетенция конференции судей не свидетельствует о ее наделении государственными и иными публично-властными полномочиями, в связи с чем решения конференции судей, регулирующие вопросы деятельности органов судейского сообщества и распространяющиеся на членов такого сообщества, не подлежат обжалованию по правилам, установленным для рассмотрения и разрешения административных дел⁸. Кстати, аналогичная позиция и формулировка оснований для отказа в принятии иного административного искового заявления от другого лица присутствовала в Кассационном определении Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 25 ноября 2019 г. по делу № 88а-920/2019, где было указано, что действия (бездействие) судей, судебных органов и органов судейского сообщества, за исключением случаев, прямо предусмотренных Федеральным законом, не могут быть предметом самостоятельного судебного разбирательства в порядке административного судопро-

изводства, поскольку в противном случае это означало бы нарушение принципа разделения властей на территории Российской Федерации⁹.

Кассационным определением Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 12 ноября 2020 г. № 88а-17286/2020, 9а-17/2020 указанное Апелляционное определение Второго апелляционного суда общей юрисдикции оставлено без изменения, кассационная жалоба Б. и Р. — без удовлетворения¹⁰. Мотивируя такой вывод, суд кассационной инстанции указал, что ч. 1 ст. 218 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (далее — КАС РФ) наделяет лиц правом на обращение в суд с требованиями об оспаривании решений, действий (бездействия) органов, наделенных отдельными государственными или иными публичными полномочиями, включая решения, действия (бездействие) квалификационной коллегии судей и экзаменационной комиссии, право на обжалование решений которых в суд предусмотрено нормами ст. 26 и 26.4 Закона № 30-ФЗ, между тем положений, прямо предусматривающих возможность обжалования решений, действий (бездействия) иных органов судейского сообщества, к которым согласно п. 2 ст. 3 Закона № 30-ФЗ относится конференция судей субъектов РФ, данный Федеральный закон и иные нормы действующего законодательства не содержат.

Таким образом, сложилась ситуация, согласно которой решения, принятые конференцией судей субъекта РФ, не могут быть оспорены по правилам КАС РФ, что явно указывает на отсутствие правового механизма для разрешения подобного спора, в том числе через нормы указанного Кодекса, как минимум на данной стадии.

Каким же образом возможно выйти из данной ситуации? Коль скоро речь

⁷ Апелляционное определение Второго апелляционного суда общей юрисдикции от 21 мая 2020 г. № 66а-411/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Там же.

⁹ Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 25 ноября 2019 г. № 88а-920/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ Кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 12 ноября 2020 г. № 88а-17286/2020, 9а-17/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

идет о защите прав субъектов, являющихся представителями судейского сообщества, которые в силу своего особого правового статуса не получили разрешение возникшего спора в судебном порядке, представляется возможным рассмотреть создание механизма внесудебной процедуры урегулирования спора, о чем, кстати, указывается в ч. 1 ст. 218 КАС РФ.

Данный выход, на наш взгляд, вполне логичен, учитывая некую специфику работы органов судейского сообщества, которые самоуправляются и не должны в процессе этой деятельности добавлять работы самим себе, а точнее своим коллегам из других субъектов РФ. Ведь ни один из просмотренных нами из числа размещенных на сайтах Советов судей субъектов РФ регламентов работы конференций судей субъектов РФ не имеет закрепленного механизма разрешения спора в случае несогласия какого-либо судьи с решениями, принятыми конференцией судей субъекта РФ.

Данный способ приоритетен еще и по той причине, что создание такого механизма позволит более оперативно решать вопросы снятия разногласий, возникших в судейском сообществе определенного субъекта РФ. Несомненно, это потребует детальной проработки

механизма, приведение его в соответствие во всех субъектах РФ и подключение к выработке таких документов советов судей соответствующего субъекта, поскольку, как известно, конференции судей собираются периодически, а Совет судей является органом, функционирующим фактически постоянно, в перерывах между работой конференций.


Вторым вариантом разрешения спора может являться обращение заявителей в Конституционный Суд Российской Федерации (далее — Конституционный Суд РФ). Безусловно, Конституционный Суд РФ имеет обширную практику толкования Конституции Российской Федерации, а именно ст. 46, в которой каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод, даже в условиях наличия пробела в вопросах процедуры судебного обжалования¹¹.

Безусловно, определенный выход из создавшейся коллизии может быть найден, однако отсутствие предусмотренного и заранее установленного механизма разрешения подобных спорных ситуаций заставляет задуматься о его создании и детальной проработке.

¹¹ См., напр.: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 18 сентября 2014 г. № 1828-О // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2015. № 1.

Литература

1. Бурдина Е.В. Правовая природа, организация и деятельность органов судейского сообщества в судебной системе России : диссертация доктора юридических наук / Е.В. Бурдина. Москва, 2016. 528 с.

Видеообзоры, интервью с известными юристами,
знакомство с актуальными публикациями,
репортажи —
всё это на нашем официальном канале
YouTube  / «Издательская группа «Юрист»
ЗАХОДИТЕ, СМОТРИТЕ, ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ!

Дискуссионные вопросы применения судебного штрафа

Мишин Виктор Вадимович,
председатель Заозерского гарнизонного военного суда
Spiro94@yandex.ru

В статье рассматриваются некоторые аспекты законодательного регулирования института судебного штрафа, который с момента своего появления неоднозначно воспринимался и воспринимается учеными и практиками. Выделяются некоторые недостатки его регламентации. Основное внимание уделено вопросу о том, являются ли достаточными предусмотренные законом основания для применения института судебного штрафа. Критически оцениваются позиции ученых, предлагающих расширить перечень таких оснований. Делается вывод о достаточности предусмотренных ст. 25.1 УПК РФ оснований ее применения.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, прекращение уголовного дела, судебный штраф, обоснованность процессуальных решений.

Discussion Issues of the Court Penalty Use

Mishin Viktor V.
Presiding Judge of the Zaozersk Garrison Military Court

The article deals with some aspects of the legislative regulation of the institution of judicial fines, which since its inception has been ambiguously perceived and is perceived by scientists and practitioners. Some shortcomings of its regulation are highlighted. The main attention is paid to the question of whether the legal grounds for applying the institution of a judicial fine are sufficient. The positions of scientists who propose to expand the list of such grounds are critically evaluated. The conclusion of the sufficiency of the provided articles is made 25.1 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation of the grounds for its application.

Keywords: criminal proceedings, termination of a criminal case, court fine, validity of procedural decisions.

Как следует из содержания ст. 25.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ), инициализация применения института судебного штрафа, регулируемого ст. 76.2 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) и ст. 25.1 УПК РФ, исходит либо от самого суда, либо от лиц, ведущих производство по уголовному делу, — от следователя или дознавателя с согласия соответственно руководителя следственного органа или от прокурора посредством подачи ходатайства. Между тем необходимо указать, что уголовно-процессуальным законом такой механизм окончания предварительного следствия не предусмотрен. А значит, имеет место некоторая незавершенность законодательной регламентации прекращения уголовного дела и уголовного преследования по ст. 25.1 УПК РФ, поскольку, исходя из толкования предписаний уголовно-процессуального закона, в случае применения указанной нормы предварительное расследование нельзя признать окончанным. Приведем аргументы, из которых следует такой вывод.

Так, несмотря на включение ст. 25.1 УПК РФ в закрытый перечень оснований прекращения уголовного дела и уголовного преследования (ч. 1 ст. 212 УПК РФ), а также на исключение рассматриваемой нормы из ч. 1 ст. 213 УПК РФ, закрепляющей перечень случаев прекращения уголовного дела, производимых по постановлению следователя, вывод об окончании предварительного следствия по предусмотренному ст. 25.1 УПК РФ основанию не соответствует содержанию ч. 2 ст. 162 УПК РФ. Согласно предписаниям последней из указанных норм, срок предварительного следствия, начало которого определяется днем начала возбуждения уголовного дела, предполагает лишь три варианта его окончания. Таковыми являются: 1) день направления прокурору уголовного дела с обвинительным заключением; 2) день вынесения постановления о передаче уголовного дела в суд для решения вопроса о применении принудительных мер медицинского характера; 3) день вынесения постановления о прекращении производства по уголовному делу.

Таким образом, подачи ходатайства о прекращении производства по делу

по анализируемому основанию ч. 2 ст. 162 УПК РФ не предусмотрено. Следовательно, становится возможной алогичная ситуация прекращения уголовного дела без окончания по этому делу предварительного следствия. В связи с этим считаем необходимым внесение соответствующего дополнения в содержание ч. 2 ст. 162 УПК РФ.

Одной из особенностей рассматриваемого института является то, что прекращение производства по делу по предусмотренному им основанию не является безусловным, поскольку в соответствии с положениями ст. 446.5 УПК РФ в случае неуплаты назначенного судом штрафа в предписанный срок решение о прекращении уголовного преследования подлежит отмене с возобновлением производства по уголовному делу. Указанный аспект, по мнению А.Г. Калугина, следует отнести к однозначно позитивному и значимому в плане совершенствования законодательства, поскольку введение изобразительного гуманизма новых норм позволяет существенно усилить воспитательный и превентивный потенциал уголовного и уголовно-процессуального законов¹.

Между тем институт судебного штрафа многими учеными критикуется именно в связи с его карательной, а не гуманной сущностью, поскольку данный институт, по их мнению, разрушая основы уголовного права и «дестабилизируя» законодательство, является, по своей сути, уголовной репрессией, ставшей возможной вне рамок уголовной ответственности². Более того, по утверждению Л.В. Головки, механизм применения данного института не соответствует альтернативным уголовно-правовым мерам, в связи с чем судебный штраф следует считать «наказанием вне приговора»³, что, как справедливо отмечает Л.М. Володина, необъяснимо ни с позиции теории права, ни с позиции канонов правосудия⁴.

¹ Калугин А.Г. К вопросу о достоинствах и дефектах юридической конструкции нового основания прекращения уголовного преследования — с назначением судебного штрафа // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2017. № 3 (17). С. 84–85.

² Степашин В.М. Проблема уголовной репрессии вне уголовной ответственности // Правоприменение. 2017. Т. 1. № 1. С. 126.

³ Головка Л.В. Можно приветствовать наших судей, которые не хотят упрощения правосудия // Уголовный процесс. 2017. № 1. С. 42.

⁴ Володина Л.М. Новые проблемы прекращения уголовных дел по реабилитирующим основаниям // Судебная власть и уголовный процесс. 2017. № 1. С. 76.

По мнению ряда ученых, современным российским законодательством в сфере уголовной политики в очередной раз продемонстрировано отсутствие системного подхода, внутренняя противоречивость и непоследовательность при создании новых правовых норм, а также игнорирование элементарных требований юридической техники⁵.

Таким образом, следует констатировать крайне негативное отношение многих представителей профессионального юридического сообщества на появление рассматриваемого института. Вместе с тем, если одни ученые считали, что новую норму изначально можно назвать «мертвожденной»⁶, то другие полагали, что данный институт будет востребованным на практике⁷. Время применения института судебного штрафа, несмотря на критическое отношение к его законодательному регулированию, показало справедливость последней позиции.

Вместе с тем подобное положение отнюдь не является свидетельством отсутствия проблем в применении института судебного штрафа. В частности, практически всеми учеными разделяется мнение о том, что введением нового института создана конкуренция имевшимся ранее основаниям прекращения уголовного дела или уголовного преследования, которые многими исследователями признаются более гуманными по сравнению с новой нормой. При этом если одни авторы рассматривают в качестве конкурирующего институту судебного штрафа институт примирения сторон, то другие — институт деятельного раскаяния, поэтому ст. 25.1 УПК РФ находится в отношении определенного рода соперничества как со ст. 25 УПК РФ, так и со ст. 28 УПК РФ.

Следует отметить также критическую оценку учеными установленного законодателем в п. 2 ч. 5 ст. 446.2 УПК РФ механизма реагирования на установление иных, нежели предусмотрено ст. 25.1 УПК РФ, оснований, из-за которого утрачивается положительный эффект от быстроты рассмотрения уголовного дела, которая является одной из

⁵ Акутаев Р.М., Юсупов М.Ю. Судебный штраф как альтернатива уголовной ответственности (уголовному преследованию): компаративистский аспект // Российская юстиция. 2018. № 1. С. 26.

⁶ Калугин А.Г. Указ. соч. С. 89.

⁷ Есина А.С., Жамкова О.Е. Мера уголовно-правового характера в виде судебного штрафа как новое основание прекращения уголовного дела или уголовного преследования // Вестник экономической безопасности. 2016. № 5. С. 116.

целей введения согласительных процедур. По мнению некоторых авторов, следует позволить суду в порядке производства о назначении судебного штрафа прекращать уголовные дела по иным основаниям⁸. Это представляется действительно значимым не только с позиции общественного интереса, но и с позиции лица, впервые совершившего преступление, поскольку он меньше времени будет находиться в ситуации неопределенности и острого переживания по поводу наказания за совершенное.

На наличие проблем правоприменения при конкуренции норм ст. 76 и 76.2 УК РФ обращает внимание Ю.В. Кувалдина. В частности, результат проведенного ею изучения текстов постановлений о прекращении по ст. 25.1 УПК РФ уголовных дел по составам преступлений, предусмотренных ст. 116, 119, 159 УК РФ, показал, что в ряде случаев имелись предусмотренные законом основания и условия для освобождения лица от уголовного ответственности в связи с примирением сторон. Однако судами вопрос о прекращении уголовного дела по ст. 76 УК РФ со сторонами не обсуждался, положения указанной нормы и последствия ее применения участникам судебного заседания не разъяснялись⁹. На наш взгляд, приоритета в применении ст. 25.1 УПК РФ быть не может и в каждом конкретном случае должна подлежать применению та норма, для которой в соответствии с требованиями закона органом предварительного расследования или судом установлены соответствующие основания.

Кроме этого, учеными высказываются замечания по поводу того, что прекращение производства по делу осуществляется посредством удовлетворения ходатайства. В частности, по справедливому мнению Л.М. Володиной, в данной ситуации было бы более логичным предусмотреть вынесение не постановления об удовлетворении ходатайства, а постановления о прекращении уголовного дела, как того требует

уголовно-процессуальный закон, поскольку любое решение должно приниматься и оформляться в строгом соответствии с его требованиями. При этом для необходимой мотивировки решения в процессуальном документе должны быть отражены конкретные данные, позволяющие судить о законности и обоснованности принятого решения, а, значит, и о его справедливости¹⁰.

Также вызывает дискуссии вопрос о том, являются ли достаточными предусмотренные законом основания для применения рассматриваемого института. По мнению А.С. Есиной и О.Е. Жамковой, положениями ст. 25.1 УПК РФ предусматриваются лишь два условия, служащих основанием ее применения. Это определенная степень тяжести совершенного впервые преступления и констатация факта возмещения (заглаживания) вреда. С точки зрения указанных авторов, их явно недостаточно, а предусмотренный законодателем механизм применения комментируемой нормы не в полной мере может служить обеспечению соблюдения принципов уголовного судопроизводства и достижению его целей. В этой связи предлагается расширить перечень условий для применения института судебного штрафа посредством добавления в него в качестве обязательных следующих условий: «1) признание вины, 2) согласие с квалификацией деяния и 3) согласие на прекращение уголовного дела с применением судебного штрафа»¹¹.

Выражая несогласие с приведенной позицией, в первую очередь отметим, что добавление последнего из перечисленных условий является явно излишним, поскольку оно уже предусмотрено уголовно-процессуальным законом, что нашло отражение в ч. 2 ст. 27 УПК РФ. Дополнение указанной нормы посредством включения в нее ст. 25.1 УПК РФ осуществлено тем же Федеральным законом, которым осуществлено введение нового основания прекращения уголовного дела.

Далее, весьма спорным является предложение о выделении в качестве самостоятельного условия признания вины. Позиция законодателя по данному вопросу вполне однозначна: такое условие не содержится ни в одной норме, регламентирующей прекращение уголовного

⁸ Хайдаров А.А., Диденко Н.С. Принятие судом процессуального решения об отказе в удовлетворении ходатайства следователя о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) в отношении подозреваемого (обвиняемого) и назначении этому лицу меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа // Юристъ-Правоведь. 2018. № 1 (84). С. 72.

⁹ Кувалдина Ю.В. Обеспечение конституционных прав потерпевшего в процедуре прекращения уголовного дела с назначением судебного штрафа // Юридический вестник Самарского университета. 2018. Т. 4. № 3. С. 117.

¹⁰ Володина Л.М. Новые проблемы прекращения уголовных дел по нереабилитирующим основаниям // Судебная власть и уголовный процесс. 2017. № 1. С. 77.

¹¹ Есина А.С., Жамкова О.Е. Указ. соч. С. 116.

дела или уголовного преследования по реабилитирующим основаниям. К исключению из этого правила можно отнести лишь ст. 28 УПК РФ, поскольку отсутствие в регламентации возникающих в связи с ее применением отношений специально оговоренного законодателем такого условия, как признание вины лицом, которым выражено согласие на прекращение уголовного дела по предусмотренному данной нормой основанию, обусловлено тем, что это условие предполагает буквальное толкование понятия «явка с повинной», где под «повинной», согласно его этимологическому значению, понимается не что иное, как признание вины¹².

Можно утверждать, что при решении вопроса о применимости либо неприменимости ст. 25.1 УПК РФ такое обстоятельство, как признание вины, не должно иметь обязательного значения. В связи с этим считаем, что указание в решениях судов на признание вины обвиняемым следует относить к обстоятельствам, положительно характеризующим личность обвиняемого, свидетельствующим об утрате лицом общественной опасности, но не к обстоятельствам, являющимся необходимыми для его освобождения от уголовной ответственности.

В свою очередь, неправомерность включения такого условия, как согласие с квалификацией преступного деяния, на наш взгляд, обусловлена тем, что действие ст. 25.1 УПК РФ имеет распространение в настоящее время и на обвиняемых, и на подозреваемых. Представляется очевидным, что без предъявления обвинения, предполагающего выяснение у лица вопроса о понимании им существа обвинений, получение его согласия с квалификацией деяния невозможно. Более того, представляется маловероятной ситуация, когда лицо соглашается на уплату штрафа, нередко значительного, для освобождения от уголовной ответственности за преступление, которое им не совершалось и с квалификацией которого он не согласен.

Другие авторы, отмечая, что условий применения ст. 25.1 УПК РФ достаточно много, при этом первым из них выделяют такое условие, как признание лица виновным¹³, что представляется по меньшей

мере странным, поскольку единственный процессуальный акт, которым констатируется виновность лица в совершении преступления, — это обвинительный приговор. Заметим, что в теории уголовного процесса, в отличие от теории материального права, понятие «виновность», являясь своеобразным объектом познания по уголовному делу, предполагает, прежде всего, доказанность совершения данным лицом конкретного преступления¹⁴.

Некоторые авторы, считая не соответствующим закону применение ст. 25.1 УПК РФ, в случае отсутствия возмещения причиненного преступлением ущерба (заглаживания вреда) предлагают дополнить указанную норму условиями, которые в совокупности давали бы возможность судить об утрате лицом общественной опасности. В качестве таковых предлагается рассматривать такие варианты позитивного посткриминального поведения лица, как «явка с повинной, способствование раскрытию преступления, изобличение соучастников»¹⁵.

Думается, что при выполнении данной рекомендации отграничить основания применения ст. 25.1 УПК РФ, и без того именуемую некоторыми авторами «усеченной формой деятельного раскаяния»¹⁶, и ст. 28 УПК РФ станет еще более затруднительным.

Кроме этого, ряд авторов считает необходимым закрепление в содержании ст. 25.1 УПК РФ такой обязанности органов предварительного расследования, как установление материального положения лица, в отношении которого решается вопрос о применении указанной нормы. В случае же отсутствия у последнего постоянного заработка или иных достаточных для уплаты судебного штрафа доходов ее применение следует считать незаконным¹⁷. Между тем необходимость установления такого рода обстоятельств не должна вызывать сомнений, поскольку следует из предписаний ч. 2 ст. 104.5 УК РФ.

Следует отметить, что выборочный анализ правоприменительной практики показал справедливость замечания

¹² Даль В.И. Толковый словарь русского языка. М.: Эксмо, 2006. С. 487.

¹³ Романова Н.Л., Днепровская М.А., Каландаришвили Х.А. Правовая природа судебного штрафа: сравнительно-правовой аспект // Сибирский юридический вестник. 2019. № 3 (86). С. 92.

¹⁴ Корнакова С.В. Уголовно-процессуальное доказывание как процесс познания // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2006. № 6. С. 110.

¹⁵ Кудрявцева А.В., Сутягин К.И. Судебный штраф // Уголовное право. 2016. № 6. С. 105.

¹⁶ Боярская А.В. Судебный штраф: проблемы материально-правовой базиса и правоприменения // Правоприменение. 2018. Т. 2 № 1. С. 157.

¹⁷ Есина А.С., Жамкова О.Е. Указ. соч. С. 117.

Ю.В. Кувалдиной о том, что в решениях судов, как правило, отсутствует должная аргументация достаточности возмещения вреда, произведенного обвиняемым, а также правомерность следующего из этого вывода указанного автора о том, что именно потерпевшим должны определяться как размер возмещения вреда, так и способы его заглаживания¹⁸.

Таким образом, произведенный анализ свидетельствует об отсутствии необходимости в изменении содержания ст. 25.1 УПК РФ посредством добавления в него дополнительных условий применения данной нормы. Предлагаемые учеными дополнения вряд ли будут способствовать ограничению указанной нормы от иных прекращения уголовного дела или уголовного преследования по реабилитирующим

основаниям. При этом, исходя из того, что наиболее значимым основанием применения ст. 25.1 УПК РФ является возмещение причиненного совершенным преступлением ущерба (или заглаживание вреда), то основной задачей суда для вынесения законного, обоснованного и мотивированного решения является определение его достаточности, поскольку, исходя из требований закона, он должен быть возмещен в полном объеме. Полагаем, что определение судом достаточности произведенного обвиняемым возмещения вреда должно строиться на необходимости учета мнения на этот счет потерпевшего, что должно найти отражение в виде дополнения к разъяснениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации, данным им в Постановлении от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности».

¹⁸ Кувалдина Ю.В. Указ. соч. С. 117.

Литература

1. Акутаев Р.М. Судебный штраф как альтернатива уголовной ответственности (уголовному преследованию): компаративистский аспект / Р.М. Акутаев, М.Ю. Юсупов // Российская юстиция. 2018. № 1. С. 25–30.
2. Боярская А.В. Судебный штраф: проблемы материально-правовой базиса и правоприменения / А.В. Боярская // Правоприменение. 2018. Т. 2 № 1. С. 154–163.
3. Володина Л.М. Новые проблемы прекращения уголовных дел по реабилитирующим основаниям / Л.М. Володина // Судебная власть и уголовный процесс. 2017. № 1. С. 74–79.
4. Головкин Л.В. Можно приветствовать наших судей, которые не хотят упрощения правосудия / Л.В. Головкин // Уголовный процесс. 2017. № 1. С. 41–43.
5. Даль В.И. Толковый словарь русского языка / В.И. Даль. Москва: Эксмо, 2006. 736 с.
6. Есина А.С. Мера уголовно-правового характера в виде судебного штрафа как новое основание прекращения уголовного дела или уголовного преследования / А.С. Есина, О.Е. Жамкова // Вестник экономической безопасности. 2016. № 5. С. 115–117.
7. Калугин А.Г. К вопросу о достоинствах и дефектах юридической конструкции нового основания прекращения уголовного преследования — с назначением судебного штрафа / А.Г. Калугин // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2017. № 3 (17). С. 83–90.
8. Корнакова С.В. Уголовно-процессуальное доказывание как процесс познания / С.В. Корнакова // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2006. № 6. С. 110–112.
9. Кувалдина Ю.В. Обеспечение конституционных прав потерпевшего в процедуре прекращения уголовного дела с назначением судебного штрафа / Ю.В. Кувалдина // Юридический вестник Самарского университета. 2018. Т. 4. № 3. С. 113–119.
10. Кудрявцева А.В. Судебный штраф / А.В. Кудрявцева, К.И. Сутягин // Уголовное право. 2016. № 6. С. 102–110.
11. Романова Н.Л. Правовая природа судебного штрафа: сравнительно-правовой аспект / Н.Л. Романова, М.А. Днепровская, Х.А. Каландаришвили // Сибирский юридический вестник. 2019. № 3 (86). С. 92–97.
12. Степашин В.М. Проблема уголовной репрессии вне уголовной ответственности / В.М. Степашин // Правоприменение. 2017. Т. 1. № 1. С. 122–128.
13. Хайдаров А.А. Принятие судом процессуального решения об отказе в удовлетворении ходатайства следователя о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) в отношении подозреваемого (обвиняемого) и назначении этому лицу меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа / А.А. Хайдаров, Н.С. Диденко // Юристы-Правоведы. 2018. № 1 (84). С. 69–74.

Дело *Prest v Petrodel* и концептуализация доктрины прокалывания корпоративной вуали в Великобритании

Воложбенская Дарья Игоревна,
помощник заместителя Председателя
Арбитражного суда города Москвы
1784828@gmail.com

В статье критически рассмотрены основные позиции, сформулированные Верховным Судом Великобритании по делу *Prest v Petrodel Resources Ltd & Others* в 2013 г. Автором сделан вывод о том, что указанное судебное решение стало ключевым для концептуализации доктрины прокалывания корпоративной вуали, его значение вышло за пределы Великобритании. Юридическое сообщество приветствует попытки судей Верховного Суда изложить доктрину в более четких и последовательных стандартах. Вместе с тем далеко не все зоны неопределенности удалось преодолеть. Серьезные ограничения, наложенные судом, заставляют английские суды разрешать споры о корпоративных злоупотреблениях, игнорируя рассматриваемую доктрину и прибегая к традиционным инструментам, предусмотренным нормами агентского, трастового и деликтного права.

Ключевые слова: прокалывание корпоративной вуали, траст, принцип правонарушения, принцип маскировки, корпоративное злоупотребление.

The *Prest v Petrodel* Case and Conceptualization of the Doctrine of Veil Piercing in the United Kingdom

Volozhbenskaya Darya I.
Assistant Deputy Chairperson of the Moscow City Commercial Court

The article critically examines the main positions formulated by the Supreme Courts of Great Britain in the case of *Prest v Petrodel Resources Ltd & Others* in 2013. The author concludes that this court decision became key to conceptualizing the doctrine of piercing the corporate veil, and its significance went beyond the UK. The legal community welcomes the attempts of the justices of the Supreme Court to set doctrine in clearer and more consistent standards. At the same time, not all areas of uncertainty have been overcome. The serious restrictions imposed by the court force the English courts to resolve disputes about corporate abuse, ignoring the doctrine in question and resorting to traditional tools provided for by the rules of agency, trust and tort law.

Keywords: piercing the corporate veil, trust, concealment principle, evasion principle, corporate abuse.

Правовая автономия (обособленность) юридического лица от своих участников и их ограниченная ответственность в отношении обязательств друг друга — краеугольный камень корпоративного права во всех современных правовых системах. С позиций экономического анализа такое «разделение» статусов, активов и ответственности преследует двуединую цель: защиту от собственности акционеров от претензий кредиторов корпорации (owner shielding) и защиту собственности самой корпорации от претензий кредиторов акционеров (entity shielding)¹.

¹ Краакман Р., Армур Дж., Дэвис П. и др. *The Anatomy of Corporate Law*. 3rd ed. Oxford: Oxford University Press, 2017. P. 9.

Применительно к общему праву принцип автономии и ограниченной ответственности юридического лица был впервые сформулирован в 1897 г. в фундаментальном деле *Salomon v A Salomon and Co Ltd*², в котором суд отказался переложить на компанию личные обязательства ее мажоритарного участника. Как указал судья Хэлсбери в решении по делу, «легально учрежденную корпорацию следует рассматривать как независимого субъекта

² *Salomon v. A. Salomon and Co Ltd* [1897] AC 22. Перевод на русский язык см.: Назыков А.Л. Решение Верховного суда Соединенного королевства от 12.06.2013 «*Prest (appellant) v Petrodel Resources limited and others (respondents)*» // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2013. № 5 (310). С. 170–214.

с собственными правами и обязательствами, присущими только ему, какими бы ни были цели того, кто дал жизнь корпорации». Тем самым отождествлять корпорацию и ее акционеров по общему правилу совершенно недопустимо.

Однако принцип ограниченной ответственности не является правовым абсолютом. С момента обнародования дела *Salomon* попытки обосновать исключения из общего принципа ограниченной ответственности перманентно предпринимались (и предпринимаются) по всему миру, включая, разумеется, и английские суды.

В большинстве национальных юрисдикций как континентального, так и англосаксонского права допускается возможность переложить обязательства и ответственность компании на ее участников или наоборот. Первый вариант именуется прямым прокалыванием вуали (*forward veil-piercing*), второй — обратным (*reverse veil-piercing*). В качестве обоснования указанной доктрины, как правило, принимается презумпция законности создания любой компании для достижения ее уставных целей, необоснованный отход от которых способен приводить к отказу в предоставлении компании и контролирующим ее лицам тех преимуществ, которые могут быть получены в результате злоупотребления корпоративной формой³.

Большинство специалистов отмечают весьма настороженное отношение к применению в Великобритании доктрины прокалывания корпоративной вуали, а некоторые английские юристы вовсе ставят под сомнение ее применимость на практике⁴. Что касается судебной практики, то она десятилетиями носила весьма бессистемный и противоречивый характер. К примеру, в деле *Antonio Gramsci* суд переложил обязательства корпорации по договору на одного из ее бенефициарных владельцев, с тем чтобы «предоставить жертве право требования исполнения договорных обязательств не только от компании-марионетки, но и от ее кукловода»⁵.

³ Mucha A. Piercing the Corporate Veil Doctrine under English Company Law after *Prest v Petrodel* Decision // *Allerhand Working Papers* 19. Kraków : Instytut Allerhanda, 2017. 21 p.

⁴ См. подр.: Hannigan B. *Wedded to Salomon: Evasion, Concealment and Confusion on Piercing the Veil of the One-Man Company* // *Irish Jurist*. 2013. Vol. 50. Is. 1. P. 11–39.

⁵ *Antonio Gramsci Shipping Corp v Stepanovs* [2013] 2 AC 415.

И, напротив, в деле *VTB Capital* суд не только отказался прокалывать корпоративную вуаль, но и поставил концептуальный вопрос о самом существовании указанной доктрины в английском корпоративном праве⁶.

Наличие многочисленных зон неопределенности, отсутствие согласия в научном сообществе и весьма непоследовательная практика английских судов поставили в повестку дня вопрос о концептуализации доктрины прокалывания корпоративной вуали если не на уровне статутного права, то, по крайней мере, на уровне *case law*. Ответом на запросы теории и практики стало решение Верховного Суда Великобритании по делу *Prest v Petrodel*⁷, принятое в 2013 г. и носящее фундаментальный характер для современного понимания английскими юристами доктрины прокалывания корпоративной вуали.

В данном деле перед Судом стоял концептуальный вопрос о том, уполномочен ли суд в принципе прокалывать корпоративную вуаль, и если да, то каким именно образом и в каких пределах.

Фабула дела такова. Прожив в браке более 18 лет, Жасмин и Майкл Прест в 2011 г. вступили в бракоразводный процесс. В процессе раздела совместного имущества выяснилось, что семь объектов недвижимости (жилой дом и квартиры в Великобритании), бенефициаром которых выступал г-н Прест, были изначально приобретены аффилированными с ним компаниями, входящими в *Petrodel Group*. Перед судом встал вопрос: можно ли включить в общие активы семьи, подлежащие разделу при разводе, указанные объекты недвижимости с учетом того, что формально Прест не являлся их титульным собственником?

При разрешении дела в суде первой инстанции были рассмотрены три аргумента истца (супруги):

(1) компании из *Petrodel Group* были всего лишь «фасадом», призванным скрыть тот истинный факт, что супруг всегда оставался подлинным и единственным владельцем спорной недвижимости, поэтому для пресечения обмана суд уполномочен проколоть корпоративную вуаль;

(2) семейное законодательство содержит норму⁸, которую можно интерпрети-

⁶ *VTB Capital plc v. Nutritek International Corp & Others* [2013] UKSC 3.

⁷ *Prest v Petrodel Resources Ltd & Others* [2013].

⁸ См.: Sec. 23 *Matrimonial Causes Act* 1973.

ровать как разрешающую рассматривать собственность контролируемых супругом компаний в качестве общего семейного имущества;

(3) спорные объекты недвижимости фактически были переданы ответчиком в траст контролируемым им компаниям, инкорпорированным в зарубежных юрисдикциях, соответственно, контролируемые компании оставались простыми доверенными лицами супруга, и поэтому дом и квартиры, по сути, оставались его личной собственностью, которой компании «номинально управляли».

Выводы судов первой и апелляционной инстанций на эти вопросы были прямо противоположными: первый вынес решение в пользу истца, второй — удовлетворил апелляцию ответчиков, сославшись на недоказанность факта злоупотребления корпоративной формой.

Верховный Суд Великобритании единогласно отказал в применении по делу доктрины прокалывания корпоративной вуали, но вынес решение в пользу истицы, признав, что компании — владельцы спорного имущества выступали в роли его номинальных держателей, в то время как их фактическим бенефициаром являлся г-н Прест. То есть судьи, опираясь на право справедливости и экономический анализ фактических обстоятельств, признали наличие *de facto* трастовых отношений между Престом и подконтрольными ему компаниями. Такое заключение действительно допускает включение спорных объектов в общий состав семейного имущества, подлежащего разделу при расторжении брака.

Как видим, суд разрешил дело, не прибегая к прокалыванию корпоративной вуали *per se* (как таковой). Однако в самом решении по делу, объединившему мнения судьи-докладчика Сампшена и иных судей Верховного Суда, излагались концептуальные тезисы, определившие на годы вперед правописание рассматриваемой доктрины в Великобритании.

Первый значимый вывод, к которому, несмотря на отдельные замечания, пришли судьи, состоит в признании возможности прокалывания вуали в качестве элемента английского корпоративного права. Тем самым была поставлена точка в спорах о самом существовании доктрины как действующего правового инструмента. Назвав прокалывание корпоративной вуали правом судьи в случаях, когда автономия юридического лица используется

для совершения правонарушений, принципом, прочно укоренившимся в судебной практике (*principle that... is well established in the authorities*), судья Сампшен заключил: «Признание за судом ограниченного правомочия прокалывать корпоративную вуаль в четко установленных ситуациях вполне обоснованно, так как закон не должен оставаться безоружным перед лицом злоупотреблений». Тезис Сампшена поддержал другой судья — Нойбергер, заявивший, что «неверно отказываться от доктрины, которая, хотя и подвергается критике со стороны ученых и судей, но, по общему признанию, присутствует во всех юрисдикциях общего права, представляя собой потенциально ценный судебный инструмент для устранения правонарушений при рассмотрении некоторых кейсов, когда иные релевантные средства отсутствуют».

«Подлинным» прокалыванием вуали Сампшен называет игнорирование судом юридической самостоятельности компании и ее отождествление с участниками, осуществляющими контроль и управление компанией (или наоборот). При этом существуют и другие возможности отождествить действия или собственность компании с теми, кто ее контролирует, не игнорируя автономию самого юридического лица (например, признание отношений, сложившихся между участником и компанией, в качестве агентских, трастовых, бенефициарных или номинального держания).

Суд поддержал мнение судьи-докладчика Сампшена о том, что «английское право не позволяет прокалывать вуаль просто потому, что этого требует справедливость», здесь требуется установить наличие преднамеренного обмана (*deliberately dishonest purpose*). Он сформулировал два принципа-основания, используемых на практике для прокалывания вуали: принцип маскировки (*concealment principle*) и принцип правонарушения (*evasion principle*). Первый означает стремление акционеров сохранить конфиденциальность своего участия в компании. Главное здесь — «замаскировать реальных акторов за корпоративной пеленой»⁹. Причины такой «маскировки» могут быть различными, причем они не всегда связаны с неправомерным или недобросовестным поведением. В данном случае суду нет необходимости прокалывать корпоратив-

⁹ Mucha A. Op. cit.

ную вуаль, достаточно лишь «заглянуть за фасад корпорации», чтобы надлежаще идентифицировать ее участников и правильно квалифицировать сложившиеся правоотношения.

Совсем иначе обстоит дело, когда речь идет о злоупотреблении корпоративной формой, когда контролирующее компанию лицо пытается уклониться от исполнения существующих обязательств или их нарушить, используя в качестве средства юридическую самостоятельность компании. В такой ситуации, констатирует Сампшен, у лица, контролирующего компанию, существует некоторая юридическая обязанность, а компания используется последним таким образом, чтобы при помощи ее обособленной правовой личности (*separate legal personality*) либо вовсе упразднить такую обязанность, либо не допустить ее принудительное осуществление.

По мнению судьи Сампшена, чтобы проколоть корпоративную вуаль, необходимо доказать, что основной целью акционеров при создании компании было избежать ответственности или обязательств. То есть нарушение должно быть «запланировано» уже в момент учреждения компании, даже если в процессе ее последующей деятельности были обнаружены какие-либо нарушения или уклонения от предыдущих обязательств, этого недостаточно для применения доктрины, когда такие нарушения составляют лишь побочный эффект функционирования компании.

Таким образом, суд пришел к выводу, что единственное оправдание для применения рассматриваемой доктрины — это правонарушение контролирующих лиц как особая разновидность злоупотребления корпоративной формой, точнее корпоративной правосубъектностью (*abuse of the corporate legal personality*). Подобные злоупотребления могут выражаться в использовании автономии юридического лица для нарушения действующего закона либо для того, чтобы воспрепятствовать его осуществлению (*to evade the law or to frustrate its enforcement*).

И, наконец, суд признал прокалывание корпоративной вуали крайним средством судебной защиты (*last resort*), тем самым обозначив доктрину как исключительную меру, к которой следует прибегать лишь в случаях, когда исчерпаны все иные, более традиционные, меры защиты. При этом судья Сампшен проиллюстрировал

на примерах многочисленных судебных кейсов, что в подавляющем большинстве случаев закон предоставляет заинтересованным лицам достаточно правовых возможностей добиться нужного результата в суде, не прибегая к прокалыванию вуали. Судья Манс назвал прокалывание корпоративной вуали «запасным вариантом» (*final fall-back*) для суда. Тем самым суд придал доктрине субсидиарный характер: она должна применяться лишь при отсутствии альтернативных способов разрешения спора. Эта позиция подчеркивает исключительный характер рассматриваемого средства судебной защиты.

Решение по делу *Prest* вызвало громкий резонанс не только в Великобритании, но и по всему миру. Неслучайно общее число его комментариев и интерпретаций в академической литературе настолько велико¹⁰.

Главный аспект критики указанного решения в научном сообществе — ограничение применимости доктрины «принципом правонарушения». Многие авторы утверждают, что при таком «ограничительном подходе» доктрина прокалывания вуали становится весьма трудноприменимой на практике. По мнению, Александра Шелл, концепт крайней меры сокращает возможности для прокалывания вуали практически до предела, близкого к нулю; стремясь избежать полной отмены лекарства, суд сократил его до практической бесполезности¹¹. Действительно, трудно понять, почему правонарушение следует рассматривать как единственный пример злоупотреблений корпоративной формой.

С этим согласны и некоторые судьи. Даже в самом решении по делу *Prest* судьи Хейл и Вильсон заявили, что основание для прокалывания корпоративной вуали следует рассматривать намного шире, чем только явное правонарушение; в данном

¹⁰ См., напр.: *Is Piercing the Veil Contrary to High Authority: A Footnote to the Never Ending Story* // *The Company Lawyer*. 2013. Vol. 34. Is. 11. P. 352–355; Lightman D., Hargreaves E. *Petrodel Resources Ltd v Prest: Where Are We Now?* // *Trusts & Trustees*. 2013. Vol. 19. Is. 9. P. 877–888; Hare C. *Family Division, 0; Chancery Division, 1: Piercing the Corporate Veil in the Supreme Court* // *The Cambridge Law Journal*. 2013. Vol. 72. Is. 3. P. 511–515; Grier N. *Piercing the Corporate Veil: Prest v Petrodel Resources Ltd* // *Edinburgh Law Review*. 2014. Vol. 18. Is. 2. P. 275–279; и мн. др.

¹¹ Schall A. *The New Law of Piercing the Corporate Veil in the UK* // *Eastern European Scientific Journal*. 2016. Vol. 4. P. 562, 564.

контексте речь идет о принципе, согласно которому «лицам, контролирующим компанию, нельзя позволять недобросовестно использовать доверие людей, с которыми они ведут бизнес». Другие судьи (Манс, Уокер) также заключили, что весьма опасно пытаться исключить все возможные ситуации, которые могут возникнуть в будущем, из-под действия доктрины. То есть принцип правонарушения — отнюдь не единственный триггер, оправдывающий прокалывание корпоративной вуали.

Также не совсем понятны критерии для разграничения «маскировки» и «правонарушения» на практике. Указанные концепты взаимосвязаны и зачастую немыслимы в отрыве друг от друга. Как замечает Ариэль Муха, принимая во внимание разумность лица (физического или юридического), которое намеревается скрыть некоторые факты, используя структуру компании, данному лицу было бы бессмысленно делать это, если бы не существовало некоторых обязанностей или ограничений, которых оно намеревается избежать¹².

Таким образом, среди английских юристов все активнее продвигается по-

зиция о том, что доктрина прокалывания корпоративной вуали должна опираться не на принцип правонарушения, но на более широкий концепт корпоративных злоупотреблений (corporate abuse).

В заключение резюмируем, что решение по делу *Prest v Petrodel* стало знаковым для концептуализации доктрины прокалывания корпоративной вуали, его значение вышло за пределы Великобритании. Юридическое сообщество приветствует попытки судей Верховного Суда изложить доктрину в более четких и последовательных стандартах. Вместе с тем далеко не все зоны неопределенности удалось преодолеть. Серьезные ограничения, наложенные судом, заставляют английские суды разрешать споры о корпоративных злоупотреблениях, игнорируя рассматриваемую доктрину и прибегая к традиционным инструментам, предусмотренным нормами агентского, трастового и деликтного права. Разумеется, дело *Prest* не поставило точку в развитии доктрины прокалывания корпоративной вуали. Будучи порождением живого творчества судей, она продолжает эволюционировать, реагируя на динамичные изменения корпоративных отношений и корпоративного права.

¹² Mucha A. Op. cit.

Литература

1. Назыков А.Л. Решение Верховного суда Соединенного королевства от 12.06.2013 «*Prest (appellant) v Petrodel Resources limited and others (respondents)*» / А.Л. Назыков // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2013. № 5 (310). С. 170–214.

References

1. Breakey P. Is Piercing the Veil Contrary to High Authority: A Footnote to the Never Ending Story / P. Breakey // *The Company Lawyer*. 2013. Vol. 34. Is. 11. P. 352–355.
2. Grier N. Piercing the Corporate Veil: *Prest v Petrodel Resources Ltd* / N. Grier // *Edinburgh Law Review*. 2014. Vol. 18. Is. 2. P. 275–279.
3. Hannigan B. Wedded to Salomon: Evasion, Concealment and Confusion on Piercing the Veil of the One-Man Company / B. Hannigan // *Irish Jurist*. 2013. Vol. 50. Is. 1. P. 11–39.
4. Hare C. Family Division, 0; Chancery Division, 1: Piercing the Corporate Veil in the Supreme Court / C. Hare // *The Cambridge Law Journal*. 2013. Vol. 72. Is. 3. P. 511–515.
5. Kraakman R. *The Anatomy of Corporate Law* / R. Kraakman, J. Armour, P. Davies [et al.]. 3rd edition. Oxford : Oxford University Press, 2017. 305 p.
6. Lightman D. *Petrodel Resources Ltd v Prest: Where Are We Now?* / D. Lightman, E. Hargreaves // *Trusts & Trustees*. 2013. Vol. 19. Is. 9. P. 877–888.
7. Mucha A. Piercing the Corporate Veil Doctrine under English Company Law after *Prest v Petrodel* Decision / A. Mucha // *Allerhand Working Papers* 19. Kraków : Instytut Allerhanda, 2017. 21 p.
8. Schall A. The New Law of Piercing the Corporate Veil in the UK / A. Schall // *Eastern European Scientific Journal*. 2016. Vol. 4. P. 549–574.